

УКРАЇНСЬКИЙ
ІНСТИТУТ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
ПАМ'ЯТІ

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ

2014–2016

ВИПУСК 3

**УСНА ІСТОРІЯ
РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ
ВІЙНИ
(2014-2016 РОКИ)**

Випуск 3

УКРАЇНСЬКИЙ ІНСТИТУТ НАЦІОНАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТІ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
Історичний факультет
ЗАПОРІЗЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ
Департамент культури, туризму, національностей та релігій
ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ АРХЕОГРАФІЇ
ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВА
ІМ. М. С. ГРУШЕВСЬКОГО НАН УКРАЇНИ
Запорізьке відділення

**УСНА ІСТОРІЯ
РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ
ВІЙНИ
(2014-2016 РОКИ)**

Випуск 3

К.І.С.
Київ
2017

УДК: 94(477 + 470 + 571)«2014/2016»
ББК: ТЗ(4Укр)64
У75

Редакційна колегія серії:

д.і.н. Володимир Мільчев, к.і.н. Владислав Мороко,
к.і.н. Роман Молдавський, к.і.н. Сергій Білігненко,
к.і.н. Олексій Штейнле, Володимир Лініков, Михайло Павленко

У 75 Усна історія російсько-української війни (2014-2016 роки)
/ за ред. В. Мільчева та В. Мороко. — Випуск 3. — Київ :
К.І.С., 2017. — 200 с., іл.

ISBN 978-617-684-151-7

Збірник містить інтерв'ю очевидців сучасної російсько-української війни, записані дослідниками історичного факультету Запорізького національного університету. Наведено спогади військовослужбовців Збройних сил України, Національної гвардії, Державної служби з надзвичайних ситуацій, волонтерів, переселенців. Висвітлюється особистий досвід опитаних протягом 2014-2016 років. Інтерв'ю доповнені фотографіями із зони бойових дій.

Для дослідників, студентів та усіх, хто цікавиться перебігом військового конфлікту на Донбасі. Російською та українською мовами.

УДК: 94(477 + 470 + 571)«2014/2016»
ББК: ТЗ(4Укр)64

- © Український інститут національної пам'яті, 2017.
- © Запорізький національний університет, 2017.
- © Запорізька обласна державна адміністрація, 2017.
- © Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2017.
- © Ольга Сало, дизайн, 2017.

ISBN 978-617-684-151-7

У Шахтарську було три полонених. Мій товариш найкращий взяв трьох полонених з одним офіцером. Каже, бій такий був добрячий, а потім йду, каже, бачим – три якихось рила йде. «Пацани, йдіть до нас, – кажуть, – ми свої». Йдем, підходять до нас поближче, дець метрів п'ятдесят. Дивимось, а у них автомати з пластиковим прикладом, а в нас складні, десантні, приклад складний. Це не наші!

(Володимир, десантник)

УСНА ІСТОРІЯ СУЧАСНОЇ ВІЙНИ: ПОГЛЯД НА ТРИ РОКИ НАЗАД

У 2017 році російсько-український конфлікт на Донбасі та в Криму перетнув трирічну межу. За цей час загинули понад 9 тисяч людей, отримали поранення понад 20 тисяч, втратили домівки 2,3 млн. Сума економічних та інфраструктурних збитків лише в АР Крим та Донецькій області перевищила 2,43 трлн. грн. Без сумніву, Україна зіткнулася з найбільшою загрозою за всі роки незалежного існування.

Здобутий за три роки досвід дозволяє інакше поглянути на події 2014-2016 років. З'явилася можливість для більш глибоких осмислених оцінок, заснованих не на емоціях та окремих фактах, а на надійній інформаційній базі. Свій внесок у формування такого підґрунтя намагаються зробити й запорізькі історики. Наприкінці серпня 2014 року внаслідок поєднання зусиль історичного факультету Запорізького національного університету та Запорізької обласної державної адміністрації стартував проект «Усна історія російсько-української війни». На той момент дослідницький колектив вже мав значний досвід у збиранні наративів жителів Півдня України¹ та у вивченні військової історії².

З самого початку дослідники зіткнулися з низкою проблем, які викликали жваві дискусії всередині колективу.

По-перше, як назвати події на Сході України? Офіційну назву – «антитерористична операція» – відкинули практично відразу. Адже завданням проекту було й є не пошук підтверджень офіційної риторики влади, а представлення точки зору професійних науковців, для яких найбільшим авторитетом є факти й джерела, а не місце в управлінській вертикалі. Станом на серпень 2014 року стало чітко зрозуміло, що на Донбасі точиться повномасштабна війна із застосуванням важкого озброєння та відповідної тактики. У хлопців-військових, які дали перші інтерв'ю, цей факт не викликав жодних сумнівів. «Ця війна вже буде набагато серйознішим ударом, ніж афганська навіть» – стверджував колишній майданівець, нацгвардієць Михайло в жовтні 2014 року. Такі ж

оцінки лунали в інтерв'ю його колеги-нацгвардійця Віталія, який щойно повернувся з полону³.

Та як більш точно визначити цю війну? «гібридна», «на Сході», «Вітчизняна»?

Поширені на той час в інформаційному просторі терміни «гібридна війна», «гібридна агресія», «неконвенційна війна» та інші, що начебто відображали нову якість конфлікту, викликали неабиякий скепсис в обізнаних з новітньою історією людей. Такі ж методи активно використовувалися під час воєн Радянської Росії з Українською Народною Республікою у 1917-1920 роках. Прихована агресія, замаскована під дії місцевих прихильників, більшовиків; створення маріонеткових «республік»; миролюбива позиція на словах, поєднана на практиці з «червоним терором»... Цей набір міцно увійшов у практику військових агресій новітньої доби і говорити про «творчий внесок» 2014 року не доводиться.

«Війна на Сході України» – найбільш нейтральний та досить часто вживаний вислів – також не зустрів підтримки в колективі. Першим акордом конфлікту стала анексія Автономної Республіки Крим Російською Федерацією. Її безпосередні виконавці згодом направили свої зусилля на Донбас. Йдеться про сумновідомих діячів «Донецької народної республіки» Ігоря Гірка і Олександра Бородає. Також саме в Криму пролилася перша кров цієї війни. У березні 2014 року підконтрольна росіянам «самооборона» вбила кримського татарина Решата Аметова. Від куль військовослужбовців збройних сил РФ загинули прапорщик Сергій Кокурін та майор Станіслав Карачевський. Без подій в Криму неможливо зрозуміти логіку розвитку конфлікту та мотиви російської сторони. Тож обмеження уваги проекту лише Донбасом було відкинута.

Консенсусом стала назва «російсько-українська війна», яка показує головних суб'єктів протистояння: Україну та Російську Федерацію. Безумовно, такий підхід також має свої недоліки. Однак він, на нашу думку, найбільш повно показує рушійні сили війни та показує дорогу до ефективних шляхів її припинення. У подальшому версія про неоголошений міждержавний військовий конфлікт на Донбасі отримала серйозне підтвердження фактами з усних історій опитаних очевидців війни.

Другою проблемою стало оприлюднення зібраних матеріалів. Досвід публікації серії «Усна історія Степової України», яка наводить спогади старожилів українського Півдня, мало підходив до вивчення сучасної війни.

Усі опитувані розповідали про події, що відбуваються сьогодні й пов'язані з триваючим військовим конфліктом. Публікація інтерв'ю могла зробити людину мішенню для проросійських терористів. З іншого боку, науковий підхід вимагає максимально повного викладу змісту розповіді, інакше втрачається об'єктивність, а з нею і сам задум проекту. Тому при підготовці випусків матеріалів опитувань інтерв'ю подаються без скорочень та вилучень, за винятком персональної інформації (прізвища, адреси, особистих прикмет, фото з обличчям людини). Окремі винятки робилися лише за особистим проханням опитуваних.

Останнє питання, що найбільше викликало обговорення членів редакційної колегії, мало більше стилістичний характер. Які роки мають фігурувати у назвах випусків серії? Залишити без вказівки періоду не можна – в історії українсько-російських відносин було понад 10 крупних воєн і нечітка назва може заплутати читача. Вибір стояв між відкритою датою «2014– ...» та зазначенням конкретної ситуації на момент підготовки чергового випуску («2014-2015 роки», «2014-2016 роки»). Врешті-решт, було обрано другий варіант. Головним аргументом на його користь став заклик бути оптимістами та не полишати надії на швидке закінчення кровопролиття. Питання років стало маленьким «*contra spem spero*» нашого колективу.

Перший випуск серії побачив світ у жовтні 2015 року⁴. До нього увійшли шість інтерв'ю, записаних у серпні 2014 – лютому 2015 років. Десантник В'ячеслав (у цивільному житті – співробітник Музею історії запорізького козацтва на острові Хортиця) розповів про досвід перших добровольців, які пішли до військкоматів у березні 2014 року. На момент запису за його плечима вже були охорона Чонгару, бої під Слов'янськом і Краматорськом, тримання кордону влітку 2014 року. Артилерист Едуард (військовий-контрактник) поділився інформацією про бої під Савур-могилою, коли українські позиції почала обстрілювати російська артилерія. Нацгвардійцю Михайлу (істориком за освітою) довелося пройти крізь Слов'янськ та Дебальцеве. Його колезі Віталію (прапорщику внутрішніх військ) судилося пережити полон у «ДНР-вців». Рятувальник Микола розказав про перші дні відновлення Слов'янська після втечі російських терористів на чолі з Ігорем Гіркіним. Волонтер Михайло показав війну очима людей, які кинули власний час, гроші та вміння на допомогу українській армії.

Другий випуск став вузькотематичним і зосередився лише на 55-й окремій артилерійській бригаді⁵. Артилеристи з «Уральських казарм» –

дуже важлива сторінка участі Запоріжжя в сучасній російсько-українській війні. Мова йде як про значення артилерії в умовах повномасштабних бойових дій, так і про комплектування бригади практично повністю місцевими запорізькими хлопцями. Допомога командування бригади дозволила опитати більшість військових, що брали участь у знаменитих боях за Донецький аеропорт. Тож читач має змогу порівняти свідчення про одну й ту ж саму подію з багатьох точок зору. Це, безумовно, створює підґрунтя для більш об'єктивного погляду на війну.

Вихід вже третього випуску серії «Усна історія російсько-української війни 2014-2016 років» є важливою віхою у розвиткові проекту. Він засвідчив, що ініціатива вчених та обласної влади вийшла на системний рівень і почала трансформуватися у повноцінний науковий напрям.

Даний збірник містить інтерв'ю людей, які належать до різних цільових груп проекту. Володимир з 25-ї окремої повітряно-десантної бригади брав участь у війні від самих перших днів і зупинився, у першу чергу, на 2014 році. Валерій та Володимир з 55-ї окремої артилерійської бригади показали специфіку військового досвіду запорізьких гармашів. Інтерв'ю рятувальника Володимира дає змогу оцінити масштаби гуманітарної катастрофи, принесеної війною на територію Донбасу. Військовий медик Юрій надав інформацію про роботу польової медицини та її роль у сучасному конфлікті. Василь – начальник штабу самооборони – розповів про зародження територіальної оборони та волонтерського руху в Запорізькій області. Переселенці Ілля з міста Жданівки Донецької області та Олександра з міста Донецька стали тим самим «голосом Донбасу», який радять послухати.

Кожне інтерв'ю починається з невеликої цитати опитуваної людини, яка передає один із найбільш яскравих чи змістовних сюжетів її розповіді. Також на початку наводиться коротка інформація про людину: ім'я, рік народження, статус (військовослужбовець, співробітник певної служби, волонтер, переселенець). Далі вказується прізвище та ініціали інтерв'юера, дата запису та її координати в архіві історичного факультету Запорізького національного університету.

Що може дати запропонована книга вдумливому читачеві? Її укладачі залишилися вірними заповіді «показувати історію, як вона є», тож шукати у її тексті сенсації чи карколомні сюжети не варто. Цей збірник, як і вся серія, – квінтесенція «окопної правди» людей, що ризикують власним життям на Донбасі. Саме завдяки таким людям наша країна має шанс на

мирне і щасливе майбутнє.

Голова редакційної колегії серії,
кандидат історичних наук
Владислав Мороко

1 Див., наприклад, підбірку «Усна історія Степової України. – Т. 1–10. – Запоріжжя: Тандем, 2008–2012» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: uamoderna.com/biblioteka/usna-istoriya-stepovoi-ukraini

2 Запорізький рахунок Великій війні. 1939–1945 / Ф. Г. Турченко, В. М. Мороко, О. Ф. Штейнле, В. С. Орлянський [та ін.]. – Запоріжжя: Просвіта, 2013. – 416 с.

3 Усна історія російсько-української війни (2014–2015 роки) / за ред. В. Мороко ; Укр. ін-т нац. пам'яті, Запоріз. нац. ун-т, Іст. ф-т, Запоріз. облдержадмін., Департамент культури, туризму, національностей та релігій. – Вип. 1. – Київ : К.І.С., 2015. – С. 108, 131–132.

4 З матеріалами презентації можна познайомитися на сайті Українського інституту національної пам'яті за посиланням: memory.gov.ua/news/usna-istoriya-rosiisko-ukrainskoi-viini-2014-2015-pershe-vidannya-prezentovali-u-kievi

Прочитати перший випуск серії в електронному вигляді: memory.gov.ua/sites/default/files/verstka-low.pdf

5 Усна історія російсько-української війни (2014-2016 роки) / ред. Г. Васильчука та В. Мороко. – Випуск 2. – Київ: К.І.С., 2016. – 462 с., ілл.

ВІЙСЬКОВІ ТЕРМІНИ В ТЕКСТІ

«Азов» – добровольчий полк (до 17 жовтня 2014 р. – батальйон) Національної гвардії України, створений 5 травня 2014 р. на підставі рішення Міністерства внутрішніх справ. Наразі базується у м. Маріуполь Донецької області.

«Град» (БМ-21) – реактивна система залпового вогню калібра 122 мм. Випускається з 1960 р. Дальність ураження – 5-40 км.

«Уральські казарми» – пункт постійної дислокації 55-ої оабр у м. Запоріжжя.

«Щит» – підрозділи, що охороняють артилерійські позиції.

120-мм полковий міномет – радянський міномет, прийнятий на озброєння в 1943 р. Дальність ураження – до 5,7 км.

АТО (антитерористична операція) – збройний конфлікт на частині Луганської та Донецької областей між регулярними частинами збройних сил Російської Федерації і проросійськи налаштованими терористичними угрупованнями з одного боку, та правоохоронцями і Збройними силами України – з іншого. Розпочата 14 квітня 2014 р.

Батальйон – тактичний підрозділ чисельністю до 800 осіб.

Безпілотник – літальний апарат, що виконує польоти без присутності людини на борту.

Бліндаж – заглиблене в землю укриття, що має перекриття з вкритих шаром ґрунту балок.

Блокпост – загороджувальний укріплений контрольно-пропускний пункт на дорозі або на в'їзді до населеного пункту.

БМД (бойова машина десанту) – броньована гусенична машина на озброєнні у повітряно-десантних підрозділах.

БМД-3 – бойова машина повітряно-десантних військ СРСР та Російської Федерації. Прийнята на озброєння у 1990 р.

Бригада – тактичне військове з'єднання в усіх видах збройних сил чисельністю в середньому від 1 тис. до 8 тис. осіб.

БТР-3 – повноприводний колісний бронетранспортер українського виробництва. Виробляється з 2001 р.

Взвод – військове формування чисельністю 9-50 осіб.

Вогнемет (динамореактивний вогнемет, реактивний піхотний

вогнетет) – піхотне озброєння, засноване на ураженні противника пострілом з термобаричними чи запальними сполуками.

Гаубиця – тип артилерійської системи, призначений для ведення навісної стрільби з закритих вогневих позицій без прямої видимості цілі.

Дальномір – прилад для вимірювання відстаней (переважно лазерним променем).

Дивізія – основне тактичне з'єднання в усіх родах військ чисельністю в середньому 8-20 тис. осіб.

Курс молодого бійця – початковий період проходження служби в навчальних закладах силових структур.

НЗ (недоторканий запас) – спеціально зібраний запас продовольства, палива, боеприпасів та інших життєво потрібних у критичних ситуаціях речей, що зберігається з метою використання в екстрених ситуаціях.

ОАБр – окрема артилерійська бригада.

ОПДБр – окрема повітряно-десантна бригада.

Прилад нічного бачення – оптичний прилад, що слугує для отримання у темряві видимого зображення об'єктів та місцевості.

Р-142 – командно-штабна машина для забезпечення радіозв'язку.

РПГ – 1. ручний протитанковий гранатомет;

2. реактивна протитанкова граната.

САУ (самохідна артилерійська установка) – артилерійська система (найчастіше гаубиця) на саморухомій базі.

Т-72 – танк багатоцільового призначення. Прийнятий на озброєння радянською армією у 1973 р. Основний танк у збройних силах РФ.

Т-80 – основний бойовий танк виробництва СРСР з єдиною газотурбінною силовою установкою. На озброєнні армії СРСР із 1976 р.

Тепловізор – електронний оптичний прилад, що служить для відображення температурних полів.

ТТХ (тактико-технічні характеристики) – сукупність кількісних та якісних характеристик одиниці військової техніки або зброї, які описують її можливості.

УАЗ – повнопривідний автомобіль-позашляховик, велика кількість яких і досі стоїть на озброєнні української та російської армій.

ВОЛОДИМИР (десантник 25-ї опдбр)

«...ми товариші там. Я їх дуже поважаю. Хлопці віком і до 40, і від 18 починаючи. Я зустрів хлопця, який зі мною срочку служив, теж така доля склалась. Хто не хотів залишатися – тікали, там були навіть такі випадки, а потім після такого «сита», відсіялись вже, самі кріпкі остались»

Ім'я: **Володимир**

Рік народження: 1992

Статус: **десантник 25 -ї ОПДБр**

Інтерв'ю записане С. Білівненком

25 березня 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф. 29. – Оп. 1. – Спр. 30.

Назвіться, будь ласка, Ваше ім'я.

Володимир.

У якому регіоні народилися, якого Ви року народження?

[19]92-го, 12-го вересня. Запорізька область, Оріхівський район.

Яким чином складалася Ваша доля до початку війни? Школа, освіта...

Школа, потім навчався в Київському національному університеті культури і мистецтв, потім взяв академвідпустку, пішов на строкову військову службу.

А в якому році це сталося?

2011 рік.

Чому вирішили обрати саме військову службу?

Завжди мріяв, ще зі школи. Відслужив.

А у Вас в роду був хтось військовим, ні?

Крім прадіда, більш нікого.

Тобто внутрішнє бажання, так, було?

Так.

Після того, як Ви відслужили, Ви вирішили залишитися на військовій службі? Вам там сподобалось?

Ні, я прийшов, відновився на навчанні. Потім зрозумів, що щось не те, треба якось працювати, отримати кошт. Пішов працювати. А потім, попрацював місяців із 8 і вирішив підписати контракт.

А коли це було?

2013-й рік, 29-е листопада, по-моєму.

В яку військову частину підписали контракт?

В 25-ту окрему повітряно-десантну дніпропетровську бригаду.

А Ви там і строкову службу проходили, ні?

Ні, строкову службу я проходив в місті Полтава, а потім в Запоріжжі, в 55-й окремій [артилерійській бригаді]. В Полтаві там була сержантська «учебка», а потім сюда «по распределенію» потрапив в 55-у [бригаду].

Коли потрапили, які Ваші враження загальні від служби були? Тобто, це Ваше було, не Ваше?

Як Вам сказати. Назад дороги, як то кажуть, не було, відступати нікуди, довелося відслужити, але враження у мене до того були про армію – це щось таке високе, але потім я зрозумів, що вона розпадається. З кожним періодом замість автоматів – віники [сміється], тобто армію я почувствував тільки в «учебці».

І все, а після було набагато гірше, так?

Підготовки майже ніякої.

А все-таки, чому Ви вирішили тоді підписати повторний контракт?

Ще ж знаєте, свіжий, окрім армії, здавалось, нічого не можеш, звик дуже до цієї служби, до розпорядку. Ну от, підписав контракт.

Ви де жили: казарми чи окремо жили?

Жив спочатку десь місяць у казармі, а потім в гуртожиток офіцерський прийшов.

А які умови там взагалі для життя?

Вистачає, нормально. В кімнаті один, з сусідом. Своя кімната.

У [20]13-му році де дислокувалися, частина, якщо можете сказати?

У Дніпропетровській області, Новомосковський район.

І коли почалися події [20]13-го року...

В [20]14-му в цій частині підготовка досить добра була військова. Майже п'ять прижків, до речі, своє діло там офіцери знають. Потім, я не помню, фефраль, по-моєму, в 2014-му, це перший був такий колотун, такий знаєте. Крим захватували тоді «зелені чоловічки». Тоді наша рота розвід-десантна була там.

І Ви там були?

Ні, я там не був, я не розвідник, на жаль. Ми тоді в фефралю вже виїжджали на Майдан, тоді наша бригада їхала на підтримку «Беркута», повинна була їхати, але нас, нашій потяг заблокували.

Завантаження техніки 25-ї ОПДБр у літак

А який був внутрішній наказ? Вам сказали, до Києва їдете чи..?

Так, так. Нам спочатку сказали, що ми йдемо на охорону адміністративних будівель, не більше. Нічого такого не говорили, що ми там будемо приймати бої, але ми так і не доїхали, [тому] я точно сказати не можу. Спочатку

завдання було добратись.

А видавали якусь амуніцію, озброєння?

Так, все як положено, бронезилети тоді були, каски, автомати.

А автомати видавали?

Так, але без набоїв. Бронезилети – у нас їх не вистачало, вони вже такі потріпані були.

А як блокували автопотяг?

Ну як, з місця не зрушив. Так там заблокували, під рельси лягали, вікна нам били.

А постраждали були серед вас?

Ні. Ну як, три чоловіка загинуло, це вже по дорозі туди було. На потяг, це перед нами йшла машина «Урал», перекинулися вони там. Погодні умови, тоді дощ ішов – це три пацана знайомих там загинуло.

А скільки там взагалі загинуло, троє і все, да?

Троє тільки.

А поранені ще були, так?

Поранених там врятували бронезилети та каски.

А Ви вже їхали повністю у спорядженні?

Так, в спорядженні, з сухпаями.

А що було після цього, куди Вас повернули?

Нас повернули в казарму. Ще ми там декілька днів знаходились у бойовій готовності. А потім, вже не пам'ятаю точно коли, сказали вже, що вже на Донецьк.

А хто Вам сказав це, офіцери, чи як?

Командир бригади сказав, що так і так, треба їхати, об'явили мобілізацію. Ми виїхали до мобілізованих. Перша волна пройшла, ми їх ще застали, вони потім через 10 днів...

Мобілізовані, так?

Так, вони вже уїхали.

А Ви коли виїхали, з якого числа?

З 14-го марта ми виїхали тоді, і, по-моєму, ще навчання були, «Весняна

злива». В той час уже помирали наші хлопці. Вже в боях.

А у Вас були якийсь доступ до інформації, інтернет чи телебачення?

Так, було, у нас не заставляли вимикати телефон, такого не було. У принципі, хватало, як то кажуть, «крис» та «кротів», які зливали [інформацію].

Ще про Крим. Чи були готові морально до війни, до бойових дій?

Морально, звісно ж, були. Було страшно, але що зробиш. Це ж, як то кажуть, «присягу двічі не дають». Страшно було, страшно, у них там і обмундірованіє получше, автомати новіше, але, це ж не означає ще, що вони вже великі воїни, вони не в себе на землі.

Куди ви приїхали відразу?

Село Гранітне чи Кам'яне⁶, там кар'єр був, ми туди приїхали вже.

А де вас розмістили?

Палаточне містечко було, палатки, буржуйки. Все з собою було, з собою везли. Сухпай, через день, по-моєму, через два, а потім дуже швидко запрацювала польова кухня. Волонтери допомагали, їм велике дякую, вся бригада, спасибі народу.

Тоді ще холодно було, так?

Виїжджали – було досить тепло, приїхали – морозець такий вдарив.

Після розміщення, які Ваші зразу дії були?

Розмістилися, копалися, розставили техніку, пости, зв'язок провели, були в готовності приймати бій.

Які укріплення Ви копали?

Копали, окопувались, бліндажі строїли.

Скільки вас було в одному місці?

Батальйон, десь чоловік, може, більше 200.

Що потім відбувалося?

Потім стояли десь, може, місяць, я точно хронологію не пам'ятаю, потім переїхали.

А між собою, коли Ви сиділи, які розмови були, на що були налаштовані? Що буде повномасштабна війна, що закінчиться, це все як тоді, що ви

думали, що далі?

Тікати ніхто не хотів.

А от там, коли розміщувалися, були тільки мобілізовані, чи тільки ви?

Ні, мобілізованих ще тоді не були, тільки штатні контрактники.

Далі що?

Під Амвросіївку, просиділи місяці два. Там уже був перший напад на колону, вернеє, на блокпост. Поставали несподівано... несподівано ми на блокпост. «Батя»² сказав – поставили. І на наступний день тоді ж їхала колона з насінням [сміється]. Їх там розстріляли.

Яке це насіння?

Машина їх була покоцана, ми нашли пачки насіння, великі пачки. Лускали, мабуть, лускали козли. По-моєму, нашій один касательно ранений, трошечки.

А ви як розкидані по блокпостах були?

У нас там один блокпост був. Колона пройшла і вони розставили, де мають [бути] імовірні наступи ворога, повинні були бути. Десь кілометрів два від кожного лагера, було два-три, але тоже там, був обстріл по нам вже, перший обстріл.

Обстріл чим?

Крупнокаліберними кулеметами, автоматами – стрелкотня, пару гранат прилетіло, більше такого. Всі живі, слава Богу, це такий перший обстріл.

Це гранати з підствольників?

Да, да, перший, перший такий обстріл був. Ми їхнього одного поранили, але так нікого не знайшли, кров побачили.

А коли Ви вперше стріляли, це тоді?

Так, це ж тоді вже. Таке підвішене «состояніє».

Підвішений стан?

Підвішений. Страшно було, хотів подивитися [сміється] – звідки воно, надо зорієнтуватися що воно, як воно. Тіки видно, що листя падає, бо нам повезло, що ми в ямі були, а вони на висотці, і вони стріляли поверх нас.

А розвідники ваші діяли, намагалися виявити?

Так. Були розвідники у нас. У нас батальйон – своя розвідка. Вони з

бригадою не взаємодіяли на той час, по-моєму, на той час знаходились ще в Криму, це їх тоді вже виводили. Вони хлопці войовничі. Навіть (це вже на другий виїзд в Шахтарську) вони спілкувалися... ну, вийшли на команду сепарів. Вийшли і спілкувалися там з якимсь головним ватажком, я так не пам'ятаю ім'я, і він навіть не допетрав⁸, що це наші. Прийшли, говорять «Якби ми почали стріляти, та нас би всіх завалили, їх було набагато більше».

А далі що було?

Трішки постояли, але як таких боїв не було тоді. Потім нас змінили і, як приїхали в бригаду, дізналися, що через декілька днів, як нас змінили, тоді «Градом» почали бомбити і великі втрати були.

Тобто, до цього не було «Граду»?

Да, Зеленопілля тоді було. Потім бригада, по-моєму, десь днів 15. Ми поки побули там, поповнили запаси, відпочили трішки, підготувались і виїхали тоді ми спочатку в Краматорський аеропорт, а потім під Шахтарськ. Поїхали наших визволять. Якби наші попали в «окруженіє» в Шахтарську, тоді вже ото почалося там, найбільше втрат наш батальйон поніс.

Шахтарськ тоді наш був, в оточенні?

Ні, він їхній ще був.

А в оточенні наші, хто були там?

Наший батальйон, пів нашого батальйону, трішки, по-моєму, третього. Точно не пам'ятаю, що там як, але ми їхали їм на виручку.

А ви на чому рухалися?

На БМД-шках. БМД, машини-«Камази». Я їхав на віджатому «Камазі» – у «Востока»⁹ забрали, гражданський броньований.

На кабіні були мішки?

На лобовому склі і на панелі. Тобто, захищали шию і трішки грудь, але тоді вже нам бронезилети видали, тому бронезилет ще на дверях висів.

А Ви водій?

Ні.

А яка посада?

Командир відділення.

А скільки у Вас в підпорядкуванні?

Десь чоловік п'ять. Коли були поранені сержанти два наших, то я рулював усім взводом тоді.

Коли ви рухалися, вам давали якісь вказівки, що туди їхати, по цій дорозі?

Так, так. Як рухається колона, керується вона радіостанцією. Майже в кожній машині по радіостанції. Якщо хтось відстає або бачить ворога, він дає команду, вся колона тоді стоїть, розсипається, всі кругом держуть оборону, нічого складного.

Декілька десятків метрів чи сотень займаєте навколо дороги?

Так і кругову оборону держим, навколо десь кілометр, або 500 метрів. Великі кола.

Тоді вже почалося таке добряче, що перший раз і з міномётів почали вже гатити по нам.

Це під час руху колони?

Так, рухались в Шахтарську, там тоді почали вже по нам лупити.

А коли їхній вогневий контакт був тоді?

Вони з посадок [стріляли], на мишу¹⁰. Такого, щоб виходили самі – такого не було. Але наші зенітники добряче з ними, розчесали добре [сміється]. Кажуть, аж біноклі взлітали. Але там випадок був, багато випадків було, незрозумілих речей – не відкриття вогню по ворожим колонам.

Це Ви бачили?

Ні. Давали команду, що вони будуть йти, держать оборону. Але не було команди їх стріляти.

Це влітку було?

Це середина весни ще. Був випадок, ми їхали тоді, Жданівка по-моєму, не пам'ятаю точно, це з Дебальцево ми рухались. Їхали і поворачивали, получається, поворот був, дорога йшла прямо і поворот направо. Їхали і повинні були повернути направо, тобто наша частина колони пішла направо, а хтось із водіїв ошибся, помилився, і поїхав прямо. Через декілька метрів сепарський блокпост – село зайняте сепаратистами було. У голові не вкладається, чого вони їх не разгромили, тупо перед носом у них проїжджали. Що вони по нам не стріляли, що ми по ним.

Як ставлення до волонтерів, вони допомагали?

Було дуже добре ставлення.

Як ви думали, довго буде тривати це волонтерське забезпечення чи все-таки зналагодиться нормальне забезпечення?

У нас на другий виїзд уже було на що жити. [Але волонтери] до сих пір продовжують допомагати.

А що вони привозять?

Теплий одяг привозили, їжу, медикаменти. В основному, каремати, розгрузочні жилети, «термобельє», спальні мішки, наметики, перчатки, окуляри. Я не знаю, наскільки на ентузіазмі їдуть по ворожій території, щоб нам довести ту гречку. Це сміливі люди, їм теж ордена мішками треба давати.

А звідкіля в основному?

З всієї України.

А ті, хто до вас привозили?

З Дніпропетровської області, це точно знаю.

А от в Шахтарськ, далі, коли потрапили в бої якраз?

Так, в самий разгар цих боїв. Ми стояли під териконом, повинні були прикривати своїх, коли вони підходять і не допустити поповнення сепаратистів. Наметів не ставили, бо смислу не було, тому що треба краще було переспати в окопах, тоді дождів не було, слава Богу.

Окопи вручну копали?

Техніка була, але вона йшла на необхідне, тобто обкатувала гаубиці наші, БМД-шки, машини. Щоб колеса не позламувати, тоді вже розчісували¹¹ вони, добряче, по 2-3 години на день. [Ми] лежали, «Вконтакті» лазили з телефона в окопах уже, сміялись, перекрикувались, але смішно було. І «Гради», і міномети, і артилерія – гаубиці – в нас мочили, добряче там, кожного дня мінімум поранені. [Ми] знали, що будуть зранку і в обід нас розчісувати, тому зранку бистро поїли, позаймалися що там треба і в обід теж.

Як накривали, в них було корегування?

Звісно. Була висока будівля, по ній лупили і по териконам. Навіть

вичислювали їхали.

Близьких боїв не було?

Так, тільки із засідки.

А далі що було?

Далі десь пробули, десь днів п'ять-шість, виїхали в Дебальцево. Уже зайняли оборону, розставили лагерь в Дебальцево. По самому місту сепаратисти стріляли, по нам не дуже.

А ви з якого боку стояли?

На в'їзді справа од міста, там озеро стояло. Після Шахтарську приїхали – в нас там «тельняшки» стояли. Були усі в землі. Там все чорне під Шахтарськом було, горіло по три-чотири дні. Були ще в Дебальцево, побули там ще днів 10-15. Поїхали наші брати Угледарськ ілі Угледарськ¹², взяли. Нацгвардія ішла сзаді, непонятно чого.

*Операція у Жданівці та Нижній Кринці
Фото Тижень.іа*

Нацгвардія – це ВВ чи добровільні?

Я точно не знаю. Йшла сзаді і розставляла свої блокпости. Наші розчищали, а вони йшли. Після Угледарська поїхали в Крим¹³ через Ждановку, мост розмініровать, відбивати.

Це Верхня чи Нижня?

По-моєму, Нижня... Нижня Кринка, через Ждановку. Зачистили, бистро Ждановку проїхали, в принципі¹⁴. В селі нікого не було. В вікна дивилися – в вікнах нікого не було. Зняли їхній флаг, встановили нашій і пішли на Крим, от, відбили місто, розмінували.

Місцеві там залишилися чи ні?

Місцеві побачили, що в «тельняшках», флаг наш, почали уже суток через троє вилазити. Дітей і вагітних жінок якомога бистріше евакуювали, старі люди були.

Яке ставлення?

Знаєте, досить добре. Через неділю уже годували, тобто ділилися сигаретами, їдою, одяг теж давали, медикаменти, їхні місцеві у нас лікувалися. Тобто ставлення було добре, допомагали.

Жили в бабусі і помагали там їй: і огороди перекопували, і помагали вбирати урожай. Бабуся була одна, пішла до сусідів, а нам залишила хату. Але я сразу дав команду, щоб в хату ніхто не лазив, тому ми жили в підвалі. Мародерство одразу ж присікалось, тобто в нас «Батя» з цим не церемонився.

Як присікалося?

Спочатку морально, але в нас «Батя» такий мужик, що і моральної встряски хватало. Він такий дядя. Завжди з нами і в бою завжди перший, так само хлопці розказували, при атаці Савур-могили з нами теж був.

Скільки йому років, до речі?

Йому десь 38, а то й старше, в районі 40.

Добре, до Кринки тоді.

У Кринці ми тримали мост, річка була, тобто до нас вони не пробралися. Вони грозились нам зробити другий іловайський «котел», але ми їх обманули трішки. Стояв наш блокпост без опознавательних знаків, їхали їх п'ять чоловік на машині, під'їжджають до нашого хлопчика і говорять «Братан, я свій» і показує свою корочку ДНР-івську. Той каже «Я щас вас досмотрю», пропустив гражданську машину. Розвернувся – взяв кулемет і розстріляв їх. Упаковували їх і найшли жетончик смертника, там написано ідентифікаційний код і написано «ВС РФ» – «Вооруженные силы Российской Федерации». Потім наш «Батя» дзвонив, їздив, шукав там їхніх ватажків, і каже ото їм: «Заберіть своїх хлопців». [Ті] кажуть: «То не наші».

Ну, не ваші, так не ваші, взяли їх та й закопали, як подобає. Потім дивлюсь ролик, як українська армія зі своїми бійцями, Нижня Кринка, п'ять тел найшли¹⁵. Якраз їх, політвідділ їхній, чипнув наш крочечок. ДНР-івський якийсь політвідділ. Їхали, помилились чи поворотом, чи що.

А полонених брали?

Звісно, брали. В Шахтарську було. Багацько їх було, були навіть такі, що кажуть: «Та ми зеки». Каже: «Нам дали рожок, автомат, – каже – і йдуть он на 500 метрів в коридор, ми тут вас і переб'єм».

Мобілізовані – їхнє ставлення, ви були разом?

Так, були разом, ми товариші там. Я їх дуже поважаю. Хлопці віком і до 40, і від 18 починаючи. Я зустрів хлопця, який зі мною срочку служив, теж така доля склалась. Хто не хотів залишатися – тікали, там були навіть такі випадки, а потім після такого «сита», відсіялись вже, самі кріпкі остались.

А були луганські, донецькі разом із вами?

Так, товариш Сашко, він сам із Волновахи, воює. Кажу: «А що ж ти, – підколов, – [проти] своїх?». Каже: «Вони такі мої, як і твої». Так що, в принципі, всі розуміють, що Росія для них, наше місто біля них... із споконвіків наші братні народи, але чомусь до мене сусід не приходе і не розповідає як мені жити, брат до мене зі зброєю не лізе. Так склалося. Не говорю, що всі росіяни такі, але ті, хто до нас їдуть.

Після Кринки далі куди?

Після Кринки далі в Дебальцево, потім ротація, в Дебальцево ми теж трішечки з боями вийшли. Нас трошки з мінометів популяли і тоді вже ми на ротацію зібрались.

Це коли було?

Октябрь, по-моєму, шосте. Шосте октябрю десь, я чесно, дати не дуже запам'ятовую, не люблю я рахувати.

І далі на ротацію Ви куди направились?

В Дніпропетровську область, в інститут, десь місяців п'ять. Наш батальйон востанавлюється. До сих пір я відновлюю свої сили, техніки дуже багато втратили там.

В основному, від чого втрачали техніку?

Мінометні обстріли та з танків.

А танки великими відстанями б'ють?

Та ну скіки, вони метрів, може, десь 300 було таке що. Я точно не знаю ТТХ танку, так що точно відповісти не можу. В принципі, з засідок виїхали, із кустів. У нас такої великої техніки, щоб бистро зреагувати на танк... РПГ немає. Були два танка, але ж Ви знаєте, вони останні були: один їзде, другий стріляє.

Під час обстрілу яке найперше бажання: заховатися чи що, які відчуття насправді от?

Якщо ти робиш по максимальному, хоча воно страшно (з таким ощущенієм, що щас в тебе попадуть, що вб'ють), але все рівно біжиш. Пригнувши голову, таке знаєте, «тудуф-тудуф» ощущение – серце калатає. Потім якийсь підвишений стан, чи ейфорія чи що, але сконцентрований дуже такий. До речі, гарний такий. Після цього смішно, реготали, але після Шахтарську плакали хлопці. Коли цей обстріл пройшов удачно, нікого не вбило, то смішно, можна і пошутить. Були навіть випадки, що іде обстріл, а він встає каже: «Прикрий мене, я попсіяти». [Сміється]. Це сміємся, коли нікого не вбило, всі живі, то чого ж і не посміятись.

А з Вашого відділення гинули бійці?

Тьфу, тьфу, тьфу, поранені, три поранених.

Дивились на полонених, ви спілкувалися?

Так, спілкувалися, навіть прикалувалися з них. Ні, не в тому смислі, що їх били, в нас ніякого рукоприкладства до них не було.

А як брали в полон?

В основному, неразберіха така була, знаєте. У Шахтарську було три полонених. Мій товариш найкращий взяв трьох полонених з одним офіцером. Каже, бій такий був добрячий, а потім йду, каже, бачим – три якихось рила йде. «Пацани, йдіть до нас, – кажуть, – ми свої». Йдем, підходять до нас поближче десь метрів 50. Дивимось, а у них автомати з пластиковим прикладом, а в нас складні, десантні, приклад складний. Це не наші! Він очердь перед носом, вони лягли, потом ще очердь. Всьо, вони наші.

У принципі, по незнанке, були такі, що знаєте, розвіднички, взяли теж трьох в полон. Це вже вони уїзжали, у Зеленопілля їхали... Якоби їхали на рибалку. Посчитали, скільки у нас техніки і куди йдем. Ото ми взяли їх, один водій взагалі був якоби не при ділах, тобто на рибалку поїхав. Потім

залізли в телефон, а у них там фотки, де вони з флагами своїми, у формі, зі зброєю. Навіть з них трішки прикалувались. Вони думали, що тут всі бородаті воюють, старі, кровожадні. Мені, кажу, 21 рік на той час було, а їм десь 36. Трішки поприкалувалися, не били їх, нормально.

А ви їх потім передаєте куди?

Далі я сказати не можу, що з ними, ми їх передаємо вищому начальству, їх уже конвоюють. Тобто, у мене завдання не було їх конвоювати, далі, де вони, не знаю.

Ви їх зв'язували чи де ви їх тримали?

Спочатку зв'язані були. У нас вони довго не затримувались. Були такі, що після Шахтарську, ми біля Савур-могили тримали їх, вони допомагали, просто їм тікати нікуди було, та й як, вони ж протів озброєних не попруть. Тобто, як Вам сказати, війна війною, але людські відносини...

А от у них яке бачення майбутнього, незалежно якимось чи під Росією?

«Ми хочемо жити окремо, окремо від вас і Росії, ми самі себе прокормим». Видать, уголь будуть їсти. «Ми вас сюди не гукали, ми сюди і росіян не гукали».

А вони підтверджують, що озброєння йде з Росії?

Та що тут підтверджувать. Двадцять четверта бригада, «залізна», розгромила псковську дивізію (може чули, що вона сама сильна у світі десантна дивізія). Драпали вони теж. У нас у бригаді єсть БМД... БМД-3, вернеє. У нас «72-ок»¹⁶ досить мало, а у сепаратистів вони є, противотанкові ракети теже у них є, вогнемети у них єсть. Я думаю, вони їх не в шахтах викопали, в магазині ніде не купляли, безпілотники теж російські.

Часто спостерігали безпілотники?

Та майже кожного дня.

А ви по них якимось стріляєте?

Так. Автомат не достає, але зенітка досить добре.

У вас представники яких регіонів, в основному Схід там, Запоріжжя?
Дніпропетровськ, Запоріжжя, навіть єсть хлопці зі Львова.

А у вас лише за згодою, чи за наказом?

Як вам сказати... Не то, що там повністю «добровільно-принудительно», але якщо ти не їдеш, то були такі випадки, що і переводили в стройбати. Це, в основному, мобілізованих. Я не розумію, зачём вони потрібні, якщо вони не воюють. Тобто, на його місце, йому зарплата йде, по-перше, що велика, нам же ж і платять більше, ніж Сухопутним військам, будуть дармоїднічать.

*Десантники 25-ї ОПДБр на Савур-могілі (2014 рік)
Фото прес-служби Міністерства оборони України*

А конфлікти часто бувають?

Ні, як сказати вам, це випадки такі знаєте, одиничні. Не знаю, ми майже завжди були в походах, в нарядах, в поїздках, в принципі, може у нас не вистачало часу. Ми могли там, за один день, три-чотири села зачистити, тобто там, були такі загрузки, що я спав три дні по два години в сутки.

Як проходить зачистка?

Їде колона, стоять люди по два ряди. Їдеш, іде передня машина, це піхота, по бокам дивимось, хто єсть, кого немає, нічого складного, «главное – внимание».

А були під час цих зачисток бойові зіткнення?

Були, але вони знищені. Тоді «25-ка»¹⁷ гриміла. Сепаратисти казали: «Десантників в полон не брать». Вони нас «покусали» тільки в Шахтарську, а так воно буває, як заноза в одному місці. Савур-могілу наші

взяли. Взяли ще собі нормально зброї. Видно було, що там працювали професіонали, тому що зброя була розібрана і розстріляна в тих містах, що треба було. Обичний вояка навіть не знає, де стріляти. Спеціалісти працювали, є предположеніє, що це російський спецназ був.

Скажіть ще, будь ласка, була якась взаємодія між родами військ?

Взаємодіяли. У нас були два «Міхалича» – вони танчики, «мішками» називаємо їх. 17-ї криворізької танкової бригади, по-моєму. Артилерія нас прикривала 55-а запорізька, що я навіть ходив здоровався. Вони там службу несли, з офіцером здоровався. Тобто, в Дебальцево вони стояли з нами, в них ящики на розтопку брали.

А авіація наша була?

Гелікоптери були. Це бачив, але я чув, що їх збивали. Я чув про те, що вони збиті. У Шахтарські була наша авіація, «істребітелі» наші, винищувачі були.

Які взаємостосунки між рядовим складом і офіцерами?

Мене деякі офіцери називають за ім'ям. Сержанти, офіцери – вони нас поважають. Я не знаю такого, що в наших офіцерів... в основному, всі поранені, тобто вони ніде не ховались, і якби вони були продажні, то вони б ховалися сзаді. Я ж говорю, що нашій «Батя», він з нами завжди йшов, він ніколи не відступав. Я думаю, якби він був продажний, то в його б інтересах було зберегти собі життя. Так само взводний нашій був, іде з нами. Я чув, що були випадки такі, що приїхали, залишали і уїхали, і через декілька годин розстріляли табір. Це в інших бригадах, я чув, таке було. В нас такого, слава Богу, не було.

А вам були такі накази, щоб не стріляти?

Це як тіки ми заїжджали, тіки-тіки йшли, тіки воно все розгоралося, то були, канешно, ми самі ще не знали, що робити. Це вже в Амвросіївці були на блокпостах поранені... хворих вивозили наші пацани і розвідники вимушені були висмикнути кільце з гранати, так і тримали, тому що штурмували тоді. Половина отакі всі, сині, потом побачили, що справжня, відійшли. По поводу внутрішніх конфліктів, у нас, в принципі, дуже рідко були бійки, це між нами.

Було конкретне завдання на конкретній території?

Так, у кожного підрозділу своє завдання було.

А «Беркут», їхнє ставлення, вони ж дуже ображені владою були?

Вони, на мою думку... По-перше, «Беркут» на це був обучений, виконували свій наказ, вони були на це научені. Те, що вони гамселили людей, – да. Але, якщо ти дразниш собаку, вона зривається с цепі, то вона не бачить, кого вона кусає: буде це баба, буде дитинка, мужик. Це особисто моє мненіє.

Колись офіцер (я з ним добре спілкуюся) говорить, що є два сценарії: або ми розберемся самі, каже, – це самий невіроятний; або самий реалістичний – прилетять інопланетяни, нам допоможуть. [Сміється].

Чесно, я не знаю, як буде далі. Будем робити своє діло. У нас там, досить средств, щоб стримувати натиск сепаратистів.

А на Сході чим закінчиться?

Знаєте, може хтось і не зрозуміє: якби нас не тормозили, не ставили б палки в колеса, то вже б давним-давно розібралися б. То б не було нічого такого. Але ж вони ж мішали, заважали, що навіть боялися.

По озброєнню – потрібно вам якесь? Кажуть, що у росіян краща зброя, сепарам постачають якраз кращу зброю.

З нашою можна, але трішки треба модернізувати. Вона морально і так вже за роками старіше. У нас навіть єсть техніка, яка в Афгані воювала, треба трішки модернізувати. У росіян вже є дальномери і тепловізори на техніці, навігатори. Вони набагато упрощають всю роботу солдатам. Нам би теж не заважало, але ж ми воюєм з тим, що єсть у нас, в принципі. Не заважало б більш новішої і якіснішої техніки. Вони трублять на весь світ, що у нас от БТР-3 – самий гарний, самий кращий, а то що там редуктора летять, один за другим, так то нічого.

Є звітність за використання зброї?

Канєшно, у нас були такі випадки. За патрон обичний, десь там завалявся, дуже-дуже наказували, як то скажемо.

В зоні АТО?

Ні. Як уже сюда приїхали, в зоні АТО, був такий випадок, що дзвонять нам, вродє з Києва, кажуть: «Гільзи всі збирайте». Батя дзвоне, каже: «Їдь сам, – каже, – з Києва сюда й з сумкою собирай. Ти придурок, – каже, – тут війна!»

Контролюють до речі зброю дуже, так що приїхали, всьо, обшманали, записали, що ти здав. У нас зі зброєю явно нікуди не пропаде.

- 6 Йдеться про с. Гранітне Волноваського р-ну Донецької обл.
- 7 Командир батальйону.
- 8 Зрозумів.
- 9 Батальйон «Восток» – терористичне збройне угруповання «ДНР», створене колишнім командиром спецзагону «Альфа» Донецького УСБУ Олександром Ходаковським в травні 2014 року.
- 10 Підступно.
- 11 Обстрілювали.
- 12 Йдеться про м. Вуглегірськ Донецької обл.
- 13 Мається на увазі селище міського типу Нижня Кринка Донецької області.
- 14 Детальніше дивися: Шара А. 25 ОПДБр. Невідома операція. Жданівка – Нижня Кринка [Електронний ресурс]. – Режим доступу: tyzhden.ua/Society/165167
- 15 Ролик можна подивитися на youtube.com
- 16 Танків Т-72.
- 17 25-а повітряно-десантна бригада, що дислокується у м. Новомосковськ Дніпропетровської обл.

ВАЛЕРІЙ (артилерист 55-ї оабр)

«Каждого мужчины долг защитить свою землю, на какой ты родился, где ты живешь, где ты работаешь, где твоя семья, дети. И естественно никому не хочется, чтоб у кого-то пули над головой свистели или взрывы где-то были, или кто-то погибал»

Ім'я: **Валерій**

Рік народження: 1967

Статус: **артилерист 55 -ї оабр**

Інтерв'ю записане Р. Молдавським

28 березня 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф. 29. – Оп. 1. – Спр. 29.

Назовитесь.

Валера.

А какого Вы года рождения?

[19]67-го.

А скажите, где Вы родились? В какой семье?

Семья у меня крестьянско-рабочая, так можно сказать. Родился в Беленьком, село. Там родители живут.

Вы женаты?

Женат, четверо детей, шестеро внуков. Вот так от.

Расскажите про детские годы. Учились в школе, ходили, может, в какие-то клубы, чем занимались вообще в детстве?

Так, чтоб заниматься особенно, ничем не занимался. Что в селе? То огород, то дом. По клубам? Ну, по клубам... Как и все, наверно, ребята молодые, все интересно, все хотелось попробовать. После школы в училище учился.

В каком?

У нас ПТУ-32 было оно раньше. 38, вернее, не 32, а 38. В Запорожье. После училища потом в армию. Служил в Германии. Срочка два с половиной года, сверхсрочного – прапорщиком. Прапорщика закончил, два года отслужил и уволился. Выучился на водителя автобуса, водителем автобуса работал. Много работал. И в сельском хозяйстве работал трактористом-механизатором.

А в армию Вас, когда призвали, в какую часть Вы попали?

В данный момент или на срочку?

На срочку.

На срочку я попал в танковые войска.

То есть, Вы танкист?

Да, но срочную службу я проходил в материальном обеспечении, по хозяйству. Обеспечивали электричеством. В школе прапорщиков учился на механика – инструктора по вождению танка. Т-80 тогда мы изучали. Оттуда и уволился механиком-инструктором.

А Вас когда выводили?

В [19]90-м году. Перед выводом. Там было расформирование, по ходу, учебного полка. По ходу расформирования учебного полка и в связи с этим, дальше оставался кто оставался, кто увольнялся, кого переводили, перебрасывали. Советский Союз тогда еще был. В Россию [переводили]. А кто не хотел в Россию, тот уехал домой. Так я поехал домой.

А Вы в Беленьком жили?

Сюда уехал в Беленькое, и щас в Беленьком, и семья у меня там.

А когда Вас второй раз призвали?

Призвали меня 31 августа... июля, верней. 31 июля. До сих пор мужской долг исполняю.

Как Вы относились к событиям [20]13-го года, когда Майдан начался, акция протеста?

Конечно, поначалу то, что к лучшему хотелось изменить жизнь, – это да, но я не рассчитывал, таким оно способом получится. Что надо будет создавать Майдан, переворачивать, что на Майдане будут твориться стрельбы и так далее, и тому подобное. Я не думал, что до такого дойдет.

Это события в Крыму? Как воспринималось это? Верилось в то, что происходит или не верилось?

Как сказать, верилось, не верилось. Сейчас у нас в наше время удивляться нечему. Все возможно. По поводу Крыма... Обсуждали, да. Крым мы считали и сейчас считаем, что он наш, украинский. Так-то сразу и не верилось, что российские войска вошли, что это какая-то непонятная история там. Не верилось, конечно.

Разные поколения по-разному воспринимают?

Нет. У меня наоборот. Единственное только, что жена, любимая женщина, и мать не хотели отпускать меня добровольцем. Ну, пришла повестка все равно. Я говорил, что рано или поздно мне придет повестка, все равно надо идти.

Вы были уже уверенным?

Да, я был готовым. Потому, что я прапорщик и я знал, что меня обязательно вызовут, обязательно. Потому, что это типа младший офицерский состав или как оно считается... В первую очередь. Я ждал, честно. Я знал, что меня вызовут, я ждал повестки. Жена самого не пустила.

Так Вы хотели сами идти?

Конечно. Надо было идти. Надо было отстаивать. Во-первых, свою землю защищать надо было. Каждого мужчины долг защитить свою землю, на какой ты родился, где ты живешь, где ты работаешь, где твоя семья, дети. И естественно никому не хочется, чтоб у кого-то пули над головой свистели или взрывы где-то были, или кто-то погибал. Это мужская работа, профессия – защищать Родину свою.

А вот соседи, родственники, более дальние? Как они относятся?

Ну как? Им не важно как... Будут дальше жить либо хорошо, либо так же ж, как жили, либо хуже, главное, чтоб мирно. Точки зрения бывают разные. Я разговариваю с ними, объясняю, что я был в Донецке, неоднократно видел как, что, где происходит, что к чему, и я им начинаю рассказывать, объяснять, они начинают понимать, что реально, да, действительно другого выхода нет.

То есть, Вам они верят, когда Вы с ними разговариваете?

Верят все. Сопоставляют они «за» и «против». Все равно, естественно,

большая часть, ну не то, что большая часть, а, как сказать, остаются в нейтральной зоне. Отак от. Что будет, то будет. В основном, друзья, с кем я работал там, многие меня поддерживают, переживают за меня. Семья, ну семья понятно. С дальних родственников тоже переживают, тоже болеют...

Шеврон 55-ї окремої артилерійської бригади

У Вас родственники в России есть?

Родственники в России... Есть у меня сестра там, но она, как сказать, работает там. Сестра она по отцу. Мы с ней общаемся поскольку-поскольку. Она знает, что я в Донецке. Разговоров об чём-либо мы не разговариваем. Она прекрасно понимает, что она может мне навредить и я прекрасно понимаю. Это её судьба, она выбрала свою судьбу. Хочет в России жить, пожалуйста, пускай живет, я ей не запрещаю. Ругать я за это не буду. Ну и она ж, естественно, знает, что я исполняю свой долг, защищаю. У нас разногласий с ней никаких нет.

Призвали Вас 31 июля, Вы попали сразу в 55-ю бригаду, да?

Да. Сразу в 55-ю бригаду попал я и здесь постоянно.

С 31 июля и по попадание, скажем так, на линию фронта, сколько прошло времени?

Времени прошло месяц. Да, месяц.

А вот этот месяц, чем Вы занимались? Формирование?

Формированием, подготовкой, обучением. Все то, что военным людям... Кто вспоминал, кто учился. Стрельбы проводились. Заняты были все подготовкой.

Не гуляли?

Не. Та, какое гуляли? Не гуляли мы. Каждый день чем-то [заняты].

Вторая батарея, подразделение, где Вы служите – оно как формировалось? Из призывников или добровольцев?

Есть добровольцы, есть призывники, есть контрактники у нас.

Контрактники?

Да.

А сначала не было?

Сначала не. Набрали полностью мобилизованные, добровольцев.

Этот месяц Вы же, наверное, общались со своими коллегами, с которыми призывались. Стоит это делать, не стоит это делать – воевать?

Нет, у нас таких разговоров нет. Все прекрасно понимают – все равно надо ехать. Потому что, если мы не будем там, придут сюда они.

Сразу была убежденность в этом?

Да, убежденность – это у каждого человека. Такое единое мнение у всех сложилось.

Мы сразу были под Волновахой. Сразу с августа мы попали в Иловайский котёл, были разбиты.

[Потом] мы приехали сюда, опять заново сформировали и через неделю мы уехали.

Сутки простояли, почти сутки. Потом, когда разбили, мы утром выехали. Раненых там сдали в больницу. Дальше пытались забрать оставшееся вооружение. Невозможно было, потому что постоянно обстреливали.

А Вы знали, что там через поле сепаратисты?

На тот момент не знали.

После этого обстрела, после того, как Вас вывезли, скажем так, изменилось как-то отношение к этому? Или желание наоборот – еще усилилось вернуться?

Лично меня, что касается, – конечно был страх, ехать не хотелось.

По сути, это первый раз Вы попали под обстрел?

Да. Это первый раз попали под обстрелы. Хорошенько обдумал, как говорят. Понятно, всем страшно.

Артиллеристы сильно боятся, скажем так, при прямом столкновении? Почему боятся? Рассказывают, что они стоят, как бы сильно далеко и издалека стреляют, поэтому, когда выходят на прямой наводкой, начинается паника. Это правда или нет?

Мы прямой наводкой не выходим. У нас нету такого – прямой наводкой. У нас есть охрана, «щиты» стоят, выставляют посты. В основном, все обходится ниче, нормально.

Отвели вас куда? После обстрела.

В Запорожье. Мы доукомплектовались.

А техники много там осталось?

Много. Я не помню, даже сколько машин. 4, наверное.

А второй раз когда Вы попали туда?

Мы были под Волновахой. Возле Волновахи.

Это уже осенью?

Да. Я там был под Волновахой... Месяц, наверное, пробыли, а потом нас перекинули на аэропорт.

Там, под Волновахой, местное население, как оно относилось?

В основном, тогда под Волновахой поскольку-поскольку... С людьми мы не общались, можно сказать. А вот здесь, где были в аэропорту, просили, [чтоб] не уходили, не бросали. Сепаратисты зайдут, будут расправляться с ними, все такое.

Я так понимаю, там местное население делится на две категории, да? Это проукраинские и пророссийские?

Я скажу, что там таких, чтоб пророссийских не очень, больше за Украину. Ну, по крайней мере, я не встречал.

А под аэропортом Вы где стояли? В части?

Просто стояли под аэропортом. Скажем так, закрытая информация.

Сепаратисты постоянно кричали о том, что украинская артиллерия обстреливает Донецк.

Это невозможно. Насколько я знаю, мы стояли отам. Там есть люди рабочие, есть население. Мы не стреляли. Вряд ли, чтоб наши украинские войска обстреляли именно население, именно по зданиям. Мы прикрывали передовую.

Вы используете беспилотники?

У нас появился недавно беспилотник. А так, в основном, корректировщики. Там, на передовой, смысл беспилотника? Беспилотники, они на долгое время не рассчитаны полёта.

А вот я знаю, собирали там деньги на планшеты, чтобы рассчитывать. Были у вас такие?

Да. Планшеты есть у нас. Планшеты, приборы ночного виденья нам давали. Беспилотники. Там занимается вся группа отэта.

Под аэропортом Вы до 29-го простояли, да? Января. Точнее до 19.

Не, до 29-го.

*Під Донецьким аеропортом
Фото бійців 55-ї оабр*

У Вас никакого перемирья под аэропортом не было?

Не, ну почему? Затишьє, конечно, было. Мы, как приказано было, так и

исполняли. Где-то удерживали линию, всего лишь. Перемирие... Было затишье, конечно, но недолго, по-моему.

По телевизору показывают, что там чуть ли не голод, все разбито, продуктов нету. Обращалось к вам население местное?

Дальше, может, где ближе к передовой – там может, да, действительно такое. У нас, чтоб сказать, что они голодуют... В магазинах все есть вроде бы, нормально... Где под нашим контролем, у населения было все нормально.

Отпуск был у вас за все это время, чтобы съездили домой?

Каждая ротация. Каждая ротация.

Отпускают домой?

Да, отпускают домой. Отдыхаем. Потом опять собираемся, опять едем.

А дома, в Беленьком, как Вас встречают?

Нормально. Как встречают? Как положено. Все рады, что жив, здоров.

ВОЛОДИМИР (артилерист 55-ї оабр)

«...корректировщики, артиллеристы, танкисты и летчики (то есть, те люди [на обучение которых затрачивается большой ресурс]) уже из плена не выходят»

Ім'я: **Володимир**

Рік народження: 1991

Статус: **артилерист 55 -ї оабр**

Інтерв'ю записане М. Павленком

6 травня 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.6 (Ч.2).

Как тебя зовут?

Вова. Ты ж меня знаешь¹⁸!

Ты служишь в 55-й артбригаде, 2-й дивизион, какая батарея?

Шестая.

Это будет уже вторая часть интервью.

Да.

Получается, [после нашей предыдущей встречи] вы поехали на ротацию, в феврале...

21-го февраля.

21-го февраля... Где вы были, в районе каких населенных пунктов?

Ну, вообще дислоцировались в районе Артемовска, под Артемовском. Но потом я дислоцировался, короче, на «передке», на линии «розмежування» – между нами и вражеской стороной.

Расскажи, как вы выезжали на ротацию: вас провожали, или как это проводилось?

Как всегда!

Скрытно?

Ну, у нас нет такой скрытности

Просто это не афишировалось?

Ну, у нас такая батарея просто, она как бы есть, ее как бы нет. Но люди вообще не знают, что мы приезжаем или уезжаем. У нас нет такого, что мы афишируем свои приезды-уезды. Мы и в Запорожье когда приезжаем – никто о нас не знает, что мы приехали или уезжаем, никто...

Вас не встречают?

Ну, встречают только родственники тех ребят, которые приезжали.

Ну, а так, чтобы журналисты, волонтеры?

Не, у нас такого нет.

А перед этим вы сколько, получается, пробыли в Запорожье?

Месяц.

То есть вы отдыхали или чем вы занимались во время пребывания в Запорожье?

Ну, 2 недели отпуска, а 2 недели собирались. Комплектация была, собирали вооружение свое, восстанавливали, проводили техническое обслуживание... Готовились к выезду.

Ремонт гаубиці. Фото бійців 55-ї оабр

Этим занимаются служащие ремроты, или сами?

Не, каждым орудием занимается свой командир орудия, потому что каждый командир орудия должен вообще быть уверенным в своем орудии, чтоб не было никаких там непредвиденных обстоятельств. Возможно такое, что если командир орудия не знает, то это может привести к не очень хорошим последствиям.

А по поводу штатного состава – так и остается неполным?

Ну, на этой ротации да, а сейчас уже ж скоро ожидаем пополнения в наши ряды, т.е. доукомплектования батареи.

Это связано с мобилизацией?

Ну да, сейчас приедут

Как изменилось отношение местного населения к вам, и изменилось ли?

Ну, не знаю. В Артемовске мы вообще в первый раз (возле Артемовска). Вообще возле нас уже район был Дебальцево, мы у Дебальцево стояли, а это Артемовская округность у нас, первый раз, что мы стояли. Ну, люди вроде бы такие, нормальные, конечно, но как говорится, «в семье не без урода». Есть индивидуумы, которые изъевляли нам свою недоброжелательность...

А в чем это проявлялось?

Ну, оно в основном проявлялось словесно, потому что кроме словесного они больше никак не смогут проявить свою недоброжелательность к нам. Они просто проявляли [негативное отношение] к тем людям, которые помогали нам, как бы... Ну, был у нас случай: мы находились на своей позиции и возле нас там недалеко была больница, а там нам помогала одна женщина. Ну и [односельчане] сказали [ей], что [если] еще раз она поможет украинским войскам, то они с приходом, как бы, наших врагов, ее сразу повесят и будут пытаться, и все такое... Ну, короче, не очень хорошо ей будет житься. Она, помимо этого, уже находилась у наших врагов в плену, там и в яме у них была, сидела, измывались над ней, как могли...

А где ее содержали, она рассказывала?

Ну, она приехала с Горловки, где-то с того района, никто ж не знает...

Я к чему спрашиваю – «ямой» еще называют тюрьму в Донецком [областном управлении] СБУ...

Нет, это просто яма, в которой содержат украинцев, проукраински

настроенных людей.

А чем она вам помогала?

Ну, начиная от самого простого – нам нужна была вода... Она женщина в своем роде влиятельная, я не буду называть точно, но она помогала нам, как могла.

Даже после этих угроз?

Да. И не только нам, приезжали еще другие войска, тоже там находились – она проявляла свою помощь и поддержку.

Она и сейчас там?

Да, по-моему, так там и живет. Очень [позитивно] настроена. Надеется, что все-таки украинские войска придут и установят мир и порядок. Потом было у нас еще одно место дислокации. Там тоже мужчина был такой, влиятельный – он тоже нам помогал по мере своей возможности.

У него вообще родственники сказали – как только придут «сепараторы», сразу тебя повесим. Это ему сказала не какая-то знакомая, а близкая родственница. А он помогает не только нашей батарее, он помогал там другим [подразделениям], которые находились в радиусе его влияния.

А какие-то волонтерские организации вам помощь оказывали?

Вот этого я вам точно не скажу, потому что я точно не знаю, но вообще, думаю, да. С ними связывались офицеры, через офицеров они к нам приезжали.

Ну, а население как настроено?

Некоторые положительно, некоторые негативно, трудно сказать точно.

В плане вооружения – у вас так и остались гаубицы 152-е?

Да.

Сейчас регулярно идет, как бы, перемирие, а на самом деле как?

Ну, перемирие...

Ну, я же и сказал: «Как бы перемирие».

Только словесно, грубо говоря... Перестрелка не идет по всем окраинам, просто идет по линии размежевания... Здесь, блокпосты, они бьют точно, грубо говоря.

Из каких видов вооружения?

С разных... Минометы 80-е, 120-е, крупная артиллерия – все зависит от обстановки.

Это местные «сепары» или [российские] кадровики?

Сомневаюсь... Так профессионально вряд ли местные «сепары» смогли бы. Чтобы проводить такие огневые «налеты», надо долго проходить обучение. По-любому это кадровые военные.

Ты говорил, что во время пребывания в районе Артемовска ты попал на должность корректировщика...

Да.

Расскажи, как так сложилось и объясни специфику этой работы.

Ну, это тот человек, который находится на самой передней точке и корректирует огонь своей батареи. То есть при ведении огня он наблюдает цель, смотрит куда упал снаряд, где произошел разрыв и после этого начинает корректировать, [наводчик на орудии] делает довороты именно на эту цель, которая или перемещается, или находится [в статичном положении] до полного уничтожения. Для этого и предназначен корректировщик.

Для этого надо иметь какие-то специальные навыки?

Ну, вообще, как бы, да. [Сміється] Для этого учатся, для этой специальности, это вообще не за неделю, просто все зависит от подготовки военнослужащих. Я не офицер, я не учился на это, но моего опыта хватает для того, чтобы производить такие действия.

Ну, получается, нормально?

Да. Ну, в некотором роде, у нас были такие занятия, проводились, я отрабатывал роль вот этого корректировщика, корректировал свое орудие на определенную цель, ну и согласно с этим у меня уже, как бы, я уже давно такой маленький навык получил... А теперь, получается, у меня еще есть товарищ, с которым мы это делаем – берем и корректируем всю батарею. То есть раньше я одно орудие корректировал, а теперь уже выходит, что я корректирую всю батарею, полностью.

Эта должность добровольная, или по приказу?

Нет, добровольно.

Как тебя назначали?

Ну как. [Сміється] Просто поехали, и я сразу попросился, предложил свою кандидатуру на роль корректировщика. Есть офицеры, но не хватало еще одного квалифицированного человека – это вышел я. [Сміється] Ну, такой сержантско-офицерский состав: 2 офицера и 2 военнослужащих – офицер и солдат, две пары получается.

Как происходит корректировка?

Ну, это непросто. Там есть цель, ты постоянно находишься на точке, ведешь наблюдение за опасными местами откуда может пойти огонь противника, то есть ты находишься сутки и наблюдаешь за ними, суточный наряд.

И вот всю ротацию ты пробыл практически на «лінії розмежування»? На батарею не ездил?

Да.

Насколько это опасно? В чем она [опасность] заключается?

Ну, это стремно. Опасность в том, что тебя первого будут «нахлобучивать». Они же знают, что спереди стоит корректировщик, то есть эти места зачищаются, чтобы мы не могли вести наблюдение, и все такое. У нас были случаи (мы не знаем откуда они узнали, но они знали что мы там находимся, корректировщики). И вот они начали именно нашу точку, где мы находились, зачищать, простреливать её. То есть две точки были, они сначала одну простреливали, а потом вторую, где мы находились. То есть происходит заступление, смена, они уже знают, что мы выезжаем, и уже производят зачисточку такую маленькую. Стреляют минометами (до нашей точки они с боевой машины не могут дострелить, там с БМП, БРМ, потому используют минометы). И что самое интересное, что ложили [снаряды] они не то что вразброс, а именно четко возле нас... Ну, нам везло, мы находились в деревьях, в «зеленке», деревья нам делали большой очень...

...Прикрытие...

Да, прикрывали. То есть у нас была возможность где-то «заныкаться», перебежать, куда-то дальше [отойти]. Очень большой плюс для нас сыграла эта «зеленка», где мы находились.

Надо постоянно двигаться?

Да-да-да, там не то что двигаться, там постоянно надо быть «на стреме»,

все время держать ухо востро. Там, где могут не отработать с этих орудий или с минометов, там ходят ДРГ – диверсионно-разведывательные группы все вот эти... У нас было место там такое интересное, что оно там с оврагами, то есть оно не все четко видно, они могут спокойно обойти сзади и как бы...

Взять в плен?

Спокойно. А к корректировщикам у них там особое отношение...

Будут пытаться с особым пристрастием...

Мало того, что пытаться, так корректировщики, артиллеристы, танкисты и летчики (то есть те люди [на обучение которых затрачивается большой ресурс]) уже из плена не выходят. Ну, если, конечно, у тебя нет никаких сверхвысоких наград, когда была Вторая мировая, у твоих дедов там, деда твоего, то ты уже живым просто не уйдешь.

А если, скажем, у деда была какая-то высокая награда?

Был случай тоже: в нашу бригаду пришел один лейтенант – попал он в плен. И чисто случайно узнали, что его дед воевал во Второй мировой войне и был награжден там великими наградами¹⁹ – то есть его благодаря этому выпустили... А так, как бы...

То есть его выпустили из плена?

Да, его отпустили. А так, если у тебя такого нет, то «извините, все, аля-лю!»

Бывали случаи, когда попадали в плен?

Да, бывали. Только они уже оттуда не возвращались. То есть у нас сержант и офицер попали²⁰, но живыми домой они уже не вернулись.

Это из какой батареи?

Ну, это 3-я батарея бывшая. Уже вся разошлась, там уже другая батарея. А так, попали, ну, не вернулись...

А как звали?

Офицера, ну, не буду называть. Офицера запытали, выкололи глаз... Ну, а сержанту, моему другу хорошему, товарищу, его просто тупыми какими-то ударами, таким тупым предметом убили...

Как это произошло, при каких обстоятельствах они попали в плен?

Кхм! Потерялись чуть-чуть... Пропустили дорогу, поехали прямо, надо было свернуть... Я, если честно, не могу... Не хочу разговаривать на эту тему... Это болезненная тема.

Как ты узнал о том, что они издевались?

Просто, это все было выложено в Интернете, вся эта информация была выложена в Интернете, мы все это прекрасно видели... И родственники видели этих людей... Короче...

То есть сами «сепары» выложили это все?

Ну да, хвастались трофеями...

Тела забрали, похоронили?

Забрали, через 6 месяцев.

Как забирали?

Ну, я не знаю, тут уже волонтеры пытались забрать, но их не отдавали. Там через 6 месяцев сказали где закопали тела, то есть уже потом ездили выкапывали, проводили эксгумацию.

Ты корректировщик. Ты же видел непосредственно противника?

Да.

Насколько далеко они находятся от тебя?

4 километра.

То есть ты корректируешь при помощи бинокля?

Да.

Какая у них форма? Есть какие-то шевроны, нашивки?

Не знаю, такого бинокля у меня нет, видно, что просто в военной форме... Они наблюдали за нами, а мы за ними, и все. Там местность такая, что особо не помотришь – везде ямы, овраги, овраги...

Что ты ощущал, наблюдая за ними?

Ничего.

У тебя были какие-то чувства, может, отвращение?..

Ничего вообще не было. Вообще, понимаешь, абсолютно.

Какие мысли посещают во время дежурства, о чем ты думал?

Ни о чем, ничего такого нет.

Насколько тебя изменила война?

Достаточно сильно. В хорошую сторону. Я даже не знаю, как это описать. Просто глаза открываются на те вещи, которые ты раньше не замечал. С каждой поездкой ты начинаешь все больше и больше замечать те вещи, которые ты не видел.

Можешь привести какие-то примеры?

Не хочу, это уже личного характера просто...

Расскажи о быте в крайнюю ротацию.

Быт как быт, побыли мы, я побыл в лагере с нашей батареей, построили мы себе баню, ну, обыкновенный быт, то же, что и раньше делали. Мы баню сделали, побыл я немного, и уехал туда – на первый блокпост. Электричество шло от столбов, там была стиральная машинка, баня, то же самое, что и у нас там. То есть мы, грубо говоря, стояли на окраине села.

На блокпосту стояла пехота?

Да.

Как складываются взаимоотношения между родами войск, между артиллерией и пехотой вот?

Нормально.

Такого, как до войны, уже нет?

Нет, сейчас такое не присутствует, сейчас уже как-то начали все друг к другу проявлять взаимоуважение.

С чем это связано?

Ну, раньше приходили, год отслужили, войны ж не было такой. А сейчас испытали уже взаимопомощь от разных родов войск, все понимают, что если этот род тебе помогать не будет, то ты уже не справишься...

*Побут артилеристів (Донецька обл., весна 2015 р.).
Фото бійців 55-ї оабр*

«Отказников» много было в крайнюю ротацию?

Единицы, немного. Это, в основном, те люди, которые морально не готовы, может, я не знаю. Это не совсем достойные люди, «балаболы»...

То есть отношение к ним негативное?

Ну, лично у меня к ним негативное отношение. Ну, не ко всем, есть такие, у которых реальная причина, из-за которой они не едут, а есть люди, которые просто «балаболы».

Как с питанием? опиши свой рацион.

Готовят повара, что приготовят – то и едим: супы, борщи, гречка, макароны.... Ты знаешь, я устал, давай завязывать...

Когда в город выезжали, бывали контакты с женской половиной населения?

Нет, такого нету!

Чего?

Их там просто нет. Бабушки, разве что...

А молодежь?

Повыезжали. Осталась одна-две, от силы, и то... Я как бы особо внимания не обращал, не уделял...

Чем занимаются местные жители, работают?

Ну, обычная бытовая жизнь...

А какие-то предприятия есть?

Ну, 2 магазина, а так все трудятся на огородах.

Ну это в селах. А в самом Артемовске вы были? Как там?

Хорошо!

Если сравнить с Запорожьем?

Если честно – никакой разницы. Военных больше просто, и все, а так город живет своей жизнью... Все, глуши [диктофон], хватит...

¹⁸ Першу частину інтерв'ю, записану 20 лютого 2015 р., було опубліковано у попередньому випуску: Усна історія російсько-української війни (2014-2016 роки) / ред. Г. Васильчука та В. Мороко. – Вип. 2. – Київ, 2016. – С. 35-46.

¹⁹ Йдеться про 22-річного старшого лейтенанта Юрія Смирнова, якого бойовики відпустили поза програмою обміну полоненими, зважаючи на відзнаки його покійного дідуся, героя СРСР.

²⁰ Йдеться про майора Петра Третьяка і старшого сержанта Євгена Сиротіна, які 6 серпня 2014 р., виходячи з оточення, потрапили на позиції бойовиків «ЛНР» поблизу м. Красний Луч Луганської обл.

ВОЛОДИМИР (співробітник МНС)

«Самый тяжёлый момент, который я лично испытал – вроде бы и в жизни всякое видел, но когда видишь вот этих детишек – грязные, оборванные... Почему – потому что по подвалам где-то прятались с родителями – слёзы наворачивались. И причём, вот они приезжали, скованные такие, как зверюшки загнанные...»

Ім'я: **Володимир**

Рік народження: 1967

Статус: **співробітник МНС**

Інтерв'ю записане Р. Молдавським

2 вересня 2014 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф. 29. – Оп. 1. – Спр. 9.

Я предлагаю следующим образом: я буду какие-то наводящие вопросы задавать, а Вы что сможете, то расскажете, хорошо?

Конечно.

Представьтесь, пожалуйста.

Начальник управления организации предприятия гражданской защиты главного управления государственной службы по чрезвычайным ситуациям города Запорожья и Запорожской области Владимир Леонидович.

Какого года рождения?

[19]67-го.

Расскажите немного: где Вы родились?

Ну, собственно, я родился в городе Хмельницке 8 июня [19]67-го года, там же окончил школу. Потом поступил в Тбилиское артиллерийское училище, служил в войсках, потом уволился по семейным обстоятельствам и в 2006 году восстановился для прохождения службы в МЧС, где и сейчас

пребываю, скажем так. Разведён, к сожалению. Сын, 20 лет, только 30-го числа принял присягу, учится тоже в военном училище и дочка, четыре с половиной годика.

А как Вы в Запорожье попали?

Случилось так, что после увольнения из Вооружённых Сил, у меня просто супруга бывшая, скажем так, она была родом из Бердянска. Я переехал в Бердянск, там восстановился в МЧС. А сюда я уже попал на повышение, скажем так.

А служили Вы, получается, после окончания артиллерийского училища?

Служил я 6 лет в воздушно-десантных войсках, а потом в механизированных частях.

Украины?

Нет, начинал я при Союзе ещё.

Ну а потом? После [19]91-го?

После [19]91-го я служил на Украине.

То есть, Вы уже жили здесь, да?

Нет. Дело в том, что я после распределения после выпуска из училища Тбилисского попал по распределению в Хмельницкий, это ещё при Союзе. После [19]91-го года там и остался.

Расскажите, пожалуйста, Вы считаете это своим призванием, служба Ваша, или вот так вот сложилось?

Вы знаете, дело в том, что быть человеком в погонах я мечтал, наверное, ещё в садике. Почему? Потому что у меня старшая сестра – она вышла замуж за военного, и можно сказать, что я с пелёнок общался с военными. Соответственно, это была моя мечта, которая осуществилась, поэтому когда в [19]97-м году мне пришлось уволиться из Вооружённых Сил, конечно, морально это тяжело пережил. Вот. И соответственно, когда восстановился, – это как бы моё место. Немножко, конечно, специфика работы другая, можно сказать даже не «немножко», а совершенно другая. Потому что там нас учили одному, а здесь кардинально противоположно. Ну... тем не менее.

А легко Вам было, скажем так, после развала Союза?

Собственно, было очень тяжело. В каком плане: если честно – то,

начиная с училищной скамьи, мы всегда чувствовали на себе заботу государства. Мы всегда были обуты, накормлены и, ну вы наверно знаете, что зарплаты в Вооружённых Силах были достаточно высокие по сравнению, я могу сказать, что в [19]88-м году я получал 265 рублей, а у меня мать – бригадир на заводе, которая на тот момент больше 20-ти лет отработала – она получала 150. То есть, я считаю, что разница существенная. Вот, конечно после развала Союза стало не только нам тяжелее, всем стало тяжелее, да? И купоны, и гривны, и так далее. Но самое страшное – это было смотреть на то, как разваливается армия. В принципе, сейчас оно это нам очень сильно икнулось. Я могу привести пример. Где-то год [19]95-й, я служил в городе Хмельницкий, там стояла ракетная дивизия. И вот когда, скажем так, НАТО пообещало нашему правительству, что если уберёте [ракетне озброення] (мы же отказались от ядерного оружия) – «Вот, мы понимаем, что у вас офицеры, которые без квартир там, жёны без работы, не устроены, зарплаты маленькие... Мы вам построим жилой комплекс». Жилой комплекс имеется ввиду, начиная от жилых домов, детских садов, школ, магазинов, а вы, соответственно, вывозите это ядерное оружие с области Хмельницкой. Я скажу, что успели построить аж полтора дома. Как только была вывезена последняя ракета – финансирование прекратилось. Поэтому на это всё было больно смотреть. На данный момент мы имеем то, что имеем. К сожалению.

Вам часто приходится непосредственно в каких-то спасательных операциях принимать участие или больше у Вас всё-таки кабинетная работа?

Нет. Дело в том, что я пришёл-то я сюда не сразу в кабинет. Я когда устроился в МЧС, был обычным инспектором и начальником сектора я был в Приморском районе, это, в принципе, я с Приморска сюда и пришёл-то. Вот. Поэтому пожары какие-то, разминирования, другие спасательные работы, дело в том, что меня в армии учили, что командир должен быть всегда впереди на белом коне, вот...поэтому приходилось побывать везде.

Я скажу, что мы когда приехали в Красноармейск²¹, там были представители нашей службы с Киева: два полковника. Причём люди, которые участвовали в ликвидации чрезвычайных ситуаций государственного уровня, они уже много лет работают там, очень грамотные. И вот когда мы общались, в принципе, мы пришли к единому мнению, что для нас это первый раз – это организация именно таких

транзитных пунктов и вообще работа с такой категорией населения, с этим ещё никто не сталкивался никогда. Само, скажем так, оборудование лагеря, вот которое Вы на фотографиях посмотрите, это технически для нас очень просто. Вот именно работа с этими людьми, я скажу, – очень тяжело. И необходимо было организовать именно в том русле, мы понимали, что люди к нам идут не только наши сторонники, но и противники, то есть они вынуждены покидать свои жилища. Соответственно, приходилось, конечно, в какие-то моменты сдерживать какие-то эмоции, потому что понимали, что наша основная задача – это людей принять, разместить, накормить, независимо от каких-нибудь взглядов.

Для Вас вот лично вся ситуация, которая сложилась, когда началась?

Для меня лично?

Вы почувствовали на себе всю ситуацию до того момента, как пришёл приказ?

Вы знаете, у меня в прошлом году сын поступил в военное училище. Получилось так, что туда, куда он поступал, он не прошёл, а он поступал у меня, хотел как папа быть десантником. Хотя он туда сдал экзамены... ну были свои причины... не попал он туда. И вот его забрали в Харьковское танковое училище, обучается он на химика и, естественно, мы оговаривали с ним ситуации, вернее, как: он у меня спрашивал – я отвечал. Из своего какого-то опыта, взгляда и так далее. Ситуация конечно началась ещё, скажем так, и до Майдана. Я ему обрисовывал ту картинку: «Сынок, – говорю, – ты понимаешь, сравнивать уровень подготовки и обучение тот, который получил я при Советском Союзе, даже это было бы неправильно». Потому что я приводил пример, вот даже когда я служил в воздушно-десантных войсках, мы за 3-4 месяца выстреливали годовой лимит. С одной стороны, нас ругали за перерасход, а с другой стороны – это уровень боевой подготовки. Соответственно, я понимаю, что на данный момент у государства просто нет средств именно в таком русле содержать армию. Я ему всё это рассказывал, раскрывал на это глаза. То есть, само состояние Вооружённых Сил, это было очень давно видно, что оно в плачевном состоянии.

Я ему предлагал поступать в наш МЧСовский ВУЗ, но он наотрез отказался, говорит папа, я хочу быть военным, как ты. Я говорю: «На данный момент я в МЧС». Он говорит «Нет, я хочу быть военным». Я его, честно говоря, несколько лет отговаривал, вот именно учитывая то

состояние армии, в котором она находилась, – я его отговаривал. Но, тем не менее, мне, как отцу и, всё-таки, офицеру, было приятно то, что у меня сын – он не ищет лёгких путей, а идёт вот именно по моим стопам. Поэтому, скажем так, я перестал противиться его выбору. Я скажу, что на данный момент может быть даже в какой-то степени я у него научился каким-то моментам патриотизма, глядя на него. Вот таким образом.

А та ситуация, которая начиная с захвата Крыма, как-то отразилась на работе МЧС? Вызовов, может, больше стало?

Вызовов, в принципе... Вы понимаете, наша структура, мы обеспечиваем безопасность людей и территории в любых ситуациях. Естественно и вызовов, может, больше стало в каком плане: организовывались различные митинги, да? Вот. Соответственно, мы должны были обеспечивать какую-то безопасность. Вот, то есть, выставлялись какие-то наши машины на случай каких-то, допустим там пожаров, взрывов, ещё что-то, чтобы оперативно реагировать. Больше, в принципе, мы ни в каких ситуациях не участвовали, наша структура. А так, конечно, напряжения, конечно, стало побольше, побольше. Я на то время был начальником в Приморске. Я скажу, что в свое время мне даже пришлось собрать весь коллектив и, скажем так, тоном приказа, объяснить людям, что каждый из нас имеет какие-то свои взгляды на сложившуюся ситуацию.

Взгляды были разные и я сказал людям, что я уважаю, в принципе, взгляды каждого, но, вы должны запомнить одно: что здесь, на работе, вот, мы, в первую очередь, – спасатели. Все свои политические взгляды вы можете обсуждать дома, с семьями там, с друзьями и так далее. Здесь мы должны выполнять свою задачу. Поэтому я не знаю, правильно это или неправильно, но я запретил общаться на политические темы именно на рабочем месте. Хотя, естественно, и у меня были свои взгляды.

Как Вы думаете, за последнее полгода поменяются взгляды?

Я скажу, что да. Естественно, что мы на данный момент наверное ежеминутно обсуждаем ситуацию, которая происходит на Украине, и я скажу, что у людей очень поменялись взгляды, мало того – взгляды поменялись у меня. Я вот буквально... Несколько дней назад звонил одному своему товарищу... Он тоже из военных, уже на пенсии, во Львове живёт... Тут он как бы позвонил и спросил мои взгляды на происходящую ситуацию. Я, естественно, высказал. Я говорю: «Ты знаешь, наверное... Путин сделал единственный положительный момент для нас, это то, что

нам всё-таки показал, что мы – украинцы и научил патриотизму. Потому что в последнее время патриотизм нашего населения вырос не то, что в разы, а сотни раз». Вот это да. Вот всё-таки поняли, что мы здесь живём, это наша страна и никто как бы не в праве посягать на неё. Даже я – человек, который родился, учился, получил образование и служил в Советской армии, я в какой-то степени был противником и развала Союза и каких-то там действий нашего правительства, но на данный момент у меня патриотизм.

Скажите, пожалуйста, а вот Вы заранее знали, что будете участвовать в операциях в зоне АТО или это было неожиданно?

Нет. Я ещё раз говорю, что наша служба – это одна из служб быстрого реагирования. Я где-то в 19:00 ушёл из управления, я ещё домой не доехал – поступила команда сбора. В принципе, мы приехали, узнали, что нам предстоит, сразу же был сформирован сводный отряд и утром мы уехали.

Какую задачу перед Вами поставили?

Наша область должна была обеспечить расстановку и организацию работы транзитного пункта временных переселенцев города Красноармейск Донецкой области. То есть, там находится полностью наша техника, наши палатки, наше оборудование и наши люди. Естественно, нам помогали наши донецкие коллеги, в основном, это людьми. И соответственно, на первоначальном этапе конечно они помогали много, вот именно в решении вопросов налаживания быта, обеспечения и т.д.

Какого числа это было?

Выехали, насколько я помню, 4 июля.

По приказу или спросили, кто хочет?

Нет. У нас такого нету. Я сейчас скажу своё мнение: я не знаю, кто как думает, но я считаю – раз уж мы одели погоны, то какое тут может быть мнение? Есть приказ, есть присяга.

Вы знали, куда Вы едете?

Конечно. Я вам скажу больше – я, допустим, поехал туда сознательно. Я ещё в феврале месяце, когда, скажем так, наше правительство заявило о том, что нужны офицера запаса, которые служат... служили в воздушно-десантных войсках, я уже тогда думал о том, чтобы уйти в армию, в войска

служить. Поэтому вот поездка в Красноармейск – для меня это не было чем-то таким сверхестественным.

Мы поехали через Днепропетровск в АТО. Конечно, проезжая через населённые пункты, дети, женщины, ну и вообще население убегали, смотрели, потому что идёт колонна, непонятные машины, хотя на каждой из наших машин было написано, что это спасательные машины, но, тем не менее, людей уже тогда пугал вид зелёных машин и вообще колонн. Даже когда мы приехали в Красноармейск, мы ещё толком не успели и технику-то расставить – масса населения приходило, скажем так, и очень официозные и конфликтные. Они просто считали, что на территорию города зашли военные. Даже когда мы показывали и свои удостоверения, и на форме там написано – нам не верили, говорили, удостоверение можно любое сделать и форму любую одеть. А вот когда уже пришли первые переселенцы – тогда как-то люди стали верить нам. Я скажу потом, что было очень приятно – массово начали приносить гуманитарную помощь для этих переселенцев. А так изначально, конечно, обстановка была очень напряжённой.

А вот со стороны местной власти какое-то содействие было или нет?

Местная власть, скажем так... Только мы заехали на территорию – нас уже ждали: заместитель городского головы с различными службами, то есть тут же, на месте мы начали оговаривать те вопросы, которые необходимо решать для организации работы этого транзитного пункта. Очень тесное и плодотворное сотрудничество было с местными властями, хотя в какой-то степени мы понимали, в каких условиях они работают, не всё так просто им было решать, мало того опять же мы прекрасно понимали, что там у каждого есть мнение и взгляды на происходящую ситуацию – то есть, конечно, не позавидуешь. Надо отдать должное – проблем абсолютно не было, все проблемы решались очень быстро.

Насколько я помню, у них там, по-моему, когда они свой псевдореферендум проводили.

Я, честно говоря, не знаю по поводу этого референдума, но я скажу, что когда мы там находились – буквально днём заехала какая-то вооружённая группа и в центре города, грубо говоря, пристрелили двух человек. Пристрелили и уехали. Кто это был, что – ну мы, в принципе, не старались узнать, как бы не наша компетенция, но, тем не менее, такой факт был.

*Транзитний табір для вимушених переселенців
(Донецька обл., липень 2014 року)
Фото з офіційного сайту Запорізького УДСНС:
www.zp.mns.gov.ua*

Вообще какое сложилось впечатление? Город находился под контролем украинской власти или, в принципе, все делали вид?

Город, конечно, находился под контролем украинской власти – это однозначно, но я, опять же, повторяюсь – работать им было очень тяжело, вот. Потому что население-то разделилось, разделилось в своём мнении. Кто-то был за ДНР, кто-то – за Украину, но я уверен, что на данный момент даже те, кто были сторонниками сепаратистов, – они мнение своё поменяли. Потому что они всё-таки видят, что власть делает всё, для того, чтобы им помочь. В принципе, мы тоже с ними когда общались – мы об этом же и говорили, что мы не приехали вам создавать какие-то здесь проблемы, мы приехали только для помощи, только для помощи... Ну и если даже потом они сами стали носить гуманитарную помощь, то я думаю, что мнения у них поменялись.

А вот были такие случаи, чтобы приходили и требовали, чтобы вы уезжали?

Были, конечно. Были, конечно.

А чем аргументировали?

[Сміється]. Ну, аргументировали чем – вот опять: кто, во что, когда мы

всё-таки доказывали, то, что мы – МЧС, что мы приехали спасать, оказывать помощь, вот, а, вы здесь стали, значит, сюда придут ДНРовцы. Вот из-за вас можем и мы пострадать, вот. Хотя мы говорили о том, что у нас висит флаг МЧС, вот у нас висит флаг Красного креста. Любые люди, которые с оружием, – они должны это видеть и при чём тут, скажем так, мы к тому, чтобы на вас тут нападать?

Получается они были за ДНР или что?

Нет, даже те, которые были сторонниками... Независимо, в принципе, чьи они были сторонники, они просто боялись, что вот придут, потому что вы сюда стали. Были такие, которые говорили, что вот всё, теперь значит и артиллерия и авиация будут стрелять по городу, потому что вы здесь стоите.

В принципе изначально, можно сказать, что были разные взгляды...

Кстати, тоже как-то с одной женщиной, причём, ну знаете, есть категория людей конфликтных, скандальных и причём не умеющих слушать. Вот она задаёт вопрос – и тут же сама на него отвечает, она даже не даёт возможности ответить на этот вопрос. Столкнулся с такой женщиной. Она: «Вот у вас здесь на территории военные машины стоят». И на ней было написано, как же она сказала... ну что-то типа с моргом связано. Я такой удивлённо говорю: «Да нет у нас такой машины». «Да вот я видела, она вот там стоит». Я говорю «Ну идёмте, посмотрим. Вот стоит штабной автобус. Вот это – это вообще радиостанция – Р-142». Это даже не медицинская – это обычная радиостанция. «Кто Вам, – говорю, – бред такой сказал и как Вы могли на ней что-то прочесть, потому что у нас на каждой машине написано «Оперативна рятувальня?»». Тем не менее, она ушла злая, неудовлетворённая и с криками.

А Вы стояли в центре?

Мы стояли в центре. Почему в центре? В принципе, это было грамотно – в центре. Почему – потому что, исходя из тех задач, которые мы должны были выполнить, а именно: приём, расселение, обеспечение переселенцев – естественно, нам необходимо было и вода и какие-то тёплые помещения, потому что у нас очень много детей находилось. Поэтому мы стояли на школьном стадионе, возле школы. Мало того – взрослое население мы расселяли в палатках, а матерей с маленькими детьми мы расселяли в школах. Там были оборудованы классы, в которых стояли кровати и так

далее. У нас были груднички недельного возраста. Соответственно, таких мам в палатку-то не поселишь. Поэтому, я считаю, что место было выбрано удачно, причём оно было согласовано с местными властями, собственно, они нам это место выделили.

А много прошло беженцев через Ваши центры?

С первого... вернее, с шестого июля, когда мы начали работать – на данный момент: около 1400 человек. Я скажу, что оно шло наплывами: где-то первые две недели был такой наплыв солидный. Я вам фотографию потом покажу – это самый большой наплыв с Карловки, там очень сильные бои были, там же ж это водохранилище и от него зависело водоснабжение очень многих населённых пунктов. Вывозили оттуда людей. Потом наплывы уже пошли уже когда непосредственно начали наши войска окружать, сжимать кольцо «Луганск-Донецк». В это же время наплыв здесь, у нас в штабе.

До Донецка далеко?

В принципе, нет, но... Я скажу, что в первые дни, конечно, слышали раскаты там. Я, как артиллерист, скажу, что да, это была артиллерийская стрельба, но, конечно, сказать, кто стрелял, – это трудно сказать, но бои вокруг шли. Не вокруг, а недалеко от Красноармейска. Общаясь с местными – где-то километров пятнадцать-двадцать от Красноармейска бои шли. Может быть, и потому население Красноармейска боялось нашего присутствия... не знаю.

Скажите, вы сами стояли или с армейскими частями?

Нет, нет. Нам был выделен наряд милиции, впоследствии общаясь с которыми... (наряд милиции – это два человека, которые круглосуточно находились на территории нашего лагеря). Как-то с ними начал общаться и я, как человек военный, – ото мы разговорились об оружии. И я потом с удивлением узнал, что они стоят без оружия. Я говорю «Так а зачем вы тогда нужны здесь?». По большому счёту, мы как-то и сами тогда можем взять какие-то лопаты, дубины и как-то отстаивать себя. Оказывается, у них оружие как ДНРовцы изъяли, когда это всё начиналось, вот так они без оружия до сих пор и стояли.

Милиция была местная?

Да, да, местная милиция. При этом говорю: «Ребята, как вы патрулируете?». Всё-таки службу они несут. Они говорят «Вот так, без

оружия». Мало того, говорят, даже заключённых сопровождаем без оружия и непонятно кто кого сопровождает. Вот такая вот ситуация.

Что они рассказывали?

Местная милиция? Особо мы, так скажем... ситуация там достаточно непонятная даже до сих пор и не всегда люди разговаривают откровенно. Да, они рассказывают, что несут службу, криминалитет вырос, ещё что-то, но не более, не более. Потому что все они боятся. Сейчас там может что-то поменялось, потому что [я] месяц уже как оттуда приехал...

А местное население?

Местное население?

Те, которые, скажем так, через Ваш лагерь шли?

Это, скажем так, не местное, не красноармейское, а из Луганской области к нам шли, и с Донецкой. Рассказывают разное. Я скажу, какие бы у них взгляды ни были политические, но все они говорили о том, что хватит воевать, не хотим войны, хватит стрелять. То есть, они как бы это пережили, вот, и им уже не надо ни ЛНР, ни ДНР – только бы война прекратилась. Тем более, что, наверное, у них начали немножко глаза открываться, что это за структуры – «ЛНР» и «ДНР». Это не секрет, что там масса криминалитета разного и так далее. На прошлой неделе, в интернете показывали о беженцах, которые выехали в Россию. Кстати, тоже российский МЧСовец у себя там на страничке выложил такую информацию, что «Что вы думали, что тут манна небесная? Хватит!» – говорит, «идите работать или там копайте землю, красьте заборы – никто вас обеспечивать не будет». То есть, они приехали туда и всё, манна закончилась. Не так как, у нас. Мы здесь и расселяем, и психологи наши работают, сейчас вот зима – впереди тоже проблемы. Это наша проблема, её надо решать и мы будем решать. Государство, естественно, в нашем лице. А там – нет, там совершенно по-другому. Поэтому, я думаю, у людей глаза открылись.

Местные коллеги помогли вам, МЧС из Красноармейска?

МЧС Донецкой области и, конечно, из Донецка были у нас, но это был руководящий состав Донецкого главного управления, а красноармейцы – МЧСовцы – были полностью задействованы, кроме тех, которые тушили пожары. Кстати, вот по поводу МЧС – был один случай, вышел я что-то вечером пройтись по территории лагеря, ну как: посмотреть порядок и так

далее. Смотрю – какая-то машина, «Газелька», непонятная стоит. Я у постового: «Что за машина?» Говорит: «Не знаю». Подхожу, сзади, со стороны кузова захожу – у меня, скажем так, челюсть отвисает. Значит, в кузове матрас такой двухспальный, двое деток маленьких, где-то годик и два, и муж, и жена, вот... Ну и муж сразу же говорит: «Можно, – говорит, – у вас машину до утра оставить, я вот семью вывез, завтра буду искать жильё, семью оставлю – ну а сам вернусь на службу». Я говорю: «Дорогой, а где ты служишь?» Он говорит: «В МЧС». Я, честно говоря, даже на него накричал, говорю, ты ещё спрашиваешь разрешения, говорю, мы же сотрудники, одна структура, ты приехал домой, скажем так. Не надо тебе искать никакую квартиру. Мы, естественно, их расселили в школе, этих деток и так далее. Так вот парень убедился, что с ними всё хорошо и поехал обратно. Я не помню населённый пункт, но там шли боевые действия. То есть, он не убежал – он вернулся обратно. Он сутки через трое дежурит, заступает начальником караула, отдежурил – приезжает к семье. Я когда эту ситуацию доложил нашему генералу, Лепскому, он сразу же сказал, говорит: «Давай, – говорит, –вывози, –а у нас как раз ротация очередная была, –вывози семью сюда, мы их разместим в Кирилловке, на базе отдыха –там, где беженцев расселяют, он всё-таки наш». Он, правда, отказался, они там с женой посоветовались и приняли решение. Я считаю, [что] такие люди – герои.

Попадались Вам люди, которые участвовали в поиске тел жертв с «Боинга»?

Нет. На тот момент я же оттуда выехал. Я знаю, что непосредственно ребята, с которыми я общался, в этом участвовали.

А как им удаётся, скажем так, уживаться с ДНРовцами?

Я, кстати, очень сдружился с одним полковником с Донецкого главного управления – Андрей. Мы до сих пор общаемся, каждый день созваниваемся. Он до последнего с семьёй был в Донецке. Их изначально – главное управление – захватили ДНРовцы. Они там и на полу лежали, и челюсти были выбиты автоматами (прикладками), и женщин на пол ложили. Страшно было. Потом они вроде как поняли, что в любом случае это служба-то нужна. Говорят: «Ребята, вы работайте, в своём режиме». Закончилось тем, что когда я с Андреем общался, говорит, только что были и сказали: если вы будете плохо выполнять свои обязанности (то есть, по тушению пожаров, в основном-то там пожары были – после взрывов, после

стрельбы артиллерии) – значит, мы вас на фронт – будете воевать. А мы как раз, говорит, сели, подсчитали, у нас, говорит, бензина осталось на две недели. Бензин заканчивается – дальше что делать? Как реагировать на какие-то ситуации? Потом там было принято решение – главное управление они вывели в Мариуполь, сейчас оттуда руководство идёт, но, тем не менее, вот именно подразделение спасательное – они остались все на местах. Поэтому там ребятам, конечно, не позавидуешь. И вот тоже тому же Андрею я предлагал вывезти семью сюда, мы разместим – пусть пока здесь будут – наотрез.

Как Вы думаете, почему отказываются?

Во-первых, у него жена – тоже сотрудник МЧС, говорит – я не оставлю мужа, тем более я в структуре. Я говорю – ну хотя бы детей сюда отправьте. Я, конечно... к этим людям самое огромное уважение испытываю. Видел я таких, которые испугались, пытались спрятаться за юбками жён – это единицы, единицы.

В чём, скажем так, была самая большая трудность по работе?

Самая большая трудность – именно там поверил в работу психолога. Я как-то к этому относился всегда с улыбкой, скажем так. В своё время мы в училище тоже изучали военную психологию. Когда пришли в войска – нам командиры сразу сказали: «Забудьте это всё». Тут я много в чём убедился. У нас в первый же день пришла старушка – 75 лет, в истерике, давление у неё там что-то за 200 зашкаливало... Через 15 минут разговора с психологом у неё давление упало до нормы, до 180 (учитывая её возраст). Я был шокирован. Поэтому естественно, нас там работало пять человек психологов и я скажу, что молодые ребята-девчонки уже достаточно опытные, потому что работали в это время непосредственно с людьми в чрезвычайных ситуациях. Просто молодцы, просто молодцы.

Самый тяжёлый момент, который я лично испытал – вроде бы и в жизни всякое видел, но когда видишь вот этих детишек – грязные, оборванные... Почему – потому что по подвалам где-то прятались с родителями – слёзы наворачивались. И причём, вот они приезжали, скованные такие, как зверюшки загнанные, но когда они видели... Сразу выносили какие-то ящики с конфетами, с печеньем, игрушки там (у нас там море игрушек было). Через какое-то время они уже с нашими сотрудниками и в футбол, и игрались. Я даже в какие-то моменты немножко возмущался (я утрировано говорю «возмущался»), мамы детей оставили на наших сотрудников – а

сами, там, в магазины пошли. То есть, дети без присмотра, скажем так, родительского, но под нашим присмотром. Дети, естественно, оттаивали. Понятно, что в возрасте там двух, трёх, пяти лет – они, может быть, ещё не понимали, что происходит. Всякое было.

Скажите, а основной контингент – это женщины и дети?

Да, да.

*Робота психологів ДСНС з дітьми вимушених переселенців
Фото з офіційного сайту Запорізького УДСНС:*

zr.mns.gov.ua

А взрослые мужчины?

Единицы. Вот именно, мужчины были пожилые. Возрастом, который может участвовать в защите своей Родины – таких практически не было.

А где они все?

Бывают случаи, когда приходит жена, говорит: «У меня муж где-то там занят...». «Да нет – давай его тоже сюда». То есть, в последнее время как бы и мужчины пошли. Я считаю очень правильным, это моё субъективное мнение, когда голова администрации озвучил, что сформировать батальоны мужчин, которые прибыли оттуда и отправить Родину защищать.

Дать какую-то однозначную оценку наверное нельзя, потому что, во-первых, мы не владеем полностью ситуацией. Моё мнение, что, наверное, самое главное то, что кто-то вывозит свои семьи и может быть

возвращается. У кого-то здесь знакомые – нашёл какую-то работу. Кто-то может просто убежал вместе с семьёй. Разное может быть. Самое плохое – это то, что именно в эти моменты, особенно когда наши войска начали, достигли определённых успехов – самое страшное то, что сюда может просачиваться кто угодно... кто угодно под видом беженца. Причём страдать от этого будут несколько областей – Запорожская, Днепропетровская, Харьковская. И от этого ж никто не застрахован. Тут уже, как говорится, работа наших структур других, я имею в виду МВД, СБУ и так далее...

У этих структур какой-то интерес появляется?

Если честно – нет. Мы пытались с ними наладить какой-то контакт, с нами абсолютно не хотели работать. Почему? Мы там пытались с ними наладить контакт, и кстати почему нам там было всё это легко организовать, потому что у нас уже был опыт организации штаба здесь, потому что мы не из первых на Украине организовали свой штаб. Я приехал туда, я уже знал примерно какую документацию надо заводить, как организовать, как встретить и так далее.

Один из моментов. Написали мы официальные письма в СБУ и МВД, что через наши пункты могут просачиваться... любой контингент. Эти письма наши, официально оформленные, даже не приняли. Понимаете, не хотят, не хотят, ну что ж мне, на коленях стоять? Допустим, если [в Запорожье] у нас вызывает подозрение какой-то человек, мы сразу позвонили в СБУ, в МВД и всё, вопрос решается мгновенно, то там – нет, и это очень плохо.

Аналогично много людей скандальных, причём бывает как бы они приезжают и считают, что [должны] и квартиру им дать, и работу, и полностью весь каприз. Таких людей скажем так, единицы, основная масса понимают, что наша страна через это не проходила, мы к этому не готовились. То есть, нам приходится всё методом какого-то экспромта решать. Но тем не менее вопрос решается, никто не отказывает, даже учитывая то, что на данный момент наша область переполнена и размещать некуда. Всё равно, люди прибывают, и всё равно куда-то людей размещают, никого на улицу не выбрасывают. Хотя тоже есть определённые скандальные люди.

*Доставка гуманітарного вантажу на звільнені території
Фото з офіційного сайту Запорізького УДСНС:
zr.mns.gov.ua*

Как Вы думаете, как мы дальше будем жить?

Я думаю, что если так в идеале представить: закончится война, закончит Путин вмешиваться и так далее, закроют все наши границы, я думаю, что мы здесь как-то сами разберёмся. И те же люди, они увидят, те же беженцы, что я рассказывал, которых, куда-то там на Колыму повезли расселять... Я думаю, у них глаза приоткроются. Единственное что много восстанавливать, много. Естественно при этом будут рассказывать, что мы во всём виноваты.

У меня сестра, она живёт в Закарпатье. Они просто ещё с мужем в восьмидесятых годах с Монголии перевелись туда. Она говорит: «К нам тоже приезжают, но у нас, в принципе, дети, жен ваших, пожалуйста, селим, мало того, будем кормить, всех эти несчастных люди к себе в дома готовы себе взять, а вы, ребятки-мужики, возвращайтесь свою Родину защищать, Донецкую». Там принцип такой, приведу пример – Закарпатье. Заходишь в магазин, обращаешься на русском, тебе ответит на русском продавщица, на украинском – на украинском, на венгерском – на венгерском, нет абсолютно никакого языкового барьера. Когда служил в Львовской области, я принципиально разговаривал на русском, и потом много лет, я вот ездил к сестре через Львовскую область, я принципиально на русском, и сейчас – без проблем, то есть, люди помнят, что вот эта языковая проблема, она, в принципе, нагнетается не из-за чего.

Вот кто я? Украинец? Так нет. Русский? Тоже нет. А вообще, когда через нас прошли монголо-татары, все мы потомки Чингисхана, но это так, в шутку. Поэтому я считаю, что это глупо решать этот языковой вопрос, который постоянно массируется, поднимается. Я говорю, нам главное от России перекрыться, а здесь мы внутри решим как-то...

Спасибо за разговор.

21 Зараз м. Покровськ Донецької області.

ЮРІЙ (начальник військового мобільного шпиталю)

...первые раненые и первые пострадавшие к нам поступали без ничего. Бывало такое, что поступали раненые без документов, частично одежда только сохранилась, частично нет. С боеприпасами, с оружием, ну, просто с поля боя. Не всегда им оказана была первая медицинская помощь даже, не было ни первичной повязки, ничего, просто открытая рана, иногда даже с кровотечением

Ім'я: Юрій

Рік народження: 1982

Статус: начальник військового мобільного шпиталю

Інтерв'ю записане М. Павленком

19 березня 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф. 29. – Оп. 1. – Спр. 31.

Назовитесь, пожалуйста.

Меня зовут подполковник медицинской службы Юрий Олегович, я штатный офицер 61-го военного мобильного госпиталя. Наш госпиталь состоит из отделений и отдельных кабинетов. Госпиталь предназначен для оказания квалифицированной медицинской помощи с элементами специализированной медицинской помощи военнослужащим. Так же госпиталь оказывает помощь гражданскому населению, которое пострадало в зоне АТО. Не только в АТО, он предназначен для оказания медицинской помощи при любых катастрофах, авариях совместно с силами МЧС, совместно с другими подразделениями, как и МВД, силовыми структурами. Может быть включен в состав разных подразделений, но основное его задание – оказание медицинской помощи пострадавшим, раненым, тем, кто в ней нуждается. Обеспечение у нас идет, в основном, от Министерства обороны. Очень большую помощь нам оказывают и местные, и сейчас в

Украине очень развито волонтерское движение. Так вот, львиная доля на обеспечение госпиталя, поддержку госпиталя, как финансовую, так и материальную – в медикаментах, во всем нам помогает волонтерское движение.

А какие-то организации волонтерские?

И волонтерские организации, и отдельные люди. И просто местные жители. Местные жители даже бывает такое что приносят, когда-то, где-то кто-то лечился – перевязочные материалы, медикаменты, даже бывает, ампульную группу приносят поштучно – две-три ампулы. Кто чем может, тем и помогает. Ну и помогают волонтерские организации разных направлений. Волонтерское движение, просто люди приезжают: «Мы о вас слышали, где-то прочитали, где-то узнали, знакомые сказали, другие волонтеры». И вот, это так происходит снабжение.

А здесь в Куйбышево²² можно «відзначить» какие-то организации волонтерские, которые наиболее сильно помогают?

У меня нет такой точной информации, какие организации и люди. Эту информацию можете узнать в администрации. Нам все организации Куйбышева помогают, это однозначно, и очень сильно. А какие именно, это в администрации, местной власти, можно узнать, какие организации созданы в Куйбышеве, волонтерские.

Понял...

Госпиталь уже в Запорожской области находится больше семи месяцев, работали в полях, то есть госпиталь был развернут на палаточном фонде, и помощь оказывали в полях, в тех условиях, а автономных условиях, в полностью автономных условиях. То есть, вода привозилась, электроэнергия подавалась от общего генератора. Был развернут в составе хирургического отделения, госпитального отделения, отделения реанимации и интенсивной терапии, в составе приемного отделения. И вот у нас оказывали помощь тем раненым и пострадавшим в зоне АТО. Сначала было очень тяжело, очень тяжело и привыкнуть и втянуться в работу. Плюс в госпитале вводились современные методы хирургического лечения, как ранений, так и диагностические аппараты, новые, которые нигде... впервые в Украине. Тяжело было коллективу привыкнуть, разместится в таких условиях, потому что, учения это одно, а боевая обстановка это совсем другое. Боевую обстановку принимать...

Коллектив и люди – они по разному [могут] перестроиться, отрываться от семьи на несколько месяцев и это было очень и очень тяжело. В плане моральном, в плане физическом, плюс и оказания помощи раненым... Во первых, если вот сказать, Украина, она... со Второй мировой войны на территории Украины боевых действий не велось. Вот, сейчас ведутся боевые действия, антитеррористическая операция, она переросла в полномасштабную войну [с] использованием высокоточного оружия, с использованием систем залпового огня. Какая ж это антитеррористическая операция?

А расскажите об учениях до войны, как проходили учения?

Учения проходили обязательно два раза в год. Госпиталь разворачивался в полевых условиях, проходили тренировки, проходили учения в плане слаживания, боевое слаживание, изучение материальной базы, изучение материальных средств. Могу сказать одно, что основа – да, основа изучалась. Ядро коллектива тренировалась, в основном, но очень много чего дорабатывалось, доделывалось, доорганизовывалось уже сейчас. Жизнь идет и появляются новые технологии, появляется новое оборудование, появляются новые методики, которые раньше не использовались. Штат, и тактика, и госпиталь сам разрабатывался в середине [19]90-х годов. До этого были советские нормативы, советские методики, вот у нас оборудование тоже большинство конца [19]60-х – начала [19]70-х годов. Не секрет, [если сказать] о том, что финансирование армии двадцать лет почти не проводилось, никакое, а медицины так и подавно. Ничего нового не разрабатывалось, а мебель и аппаратура – она не совсем предназначена для оказания помощи в полевых условиях, для оказания военно-полевой хирургии, для работы. Она уже морально устарела и физически, потому что очень много аппаратуры с НЗ. Она по качеству... Она новая, была просто на хранении, а сама морально устаревшая. Ну, вот сейчас перед нами стоит задача, мы всячески делаем и вводим новые методики, новые диагностические методы, современные, я бы даже сказал, суперсовременные.

*На території 61-го військового мобільного шпиталю
Фото з офіційного сайту Запорізької обласної державної
адміністрації: zoda.gov.ua*

А в чем их специфика?

Специфика? Ну... Раньше... Прежде всего это введение лапароскопической оптики, лапароскопической и вообще эндоскопии, так называемой. Это использование гибкого эндоскопа и использования видеоизображения в полостях. Впервые в Украине, что в полях, в боевых условиях диагностировались множества ранений, проникающие, не проникающее ранение – от этого зависит тактика дальнейшая тактика лечения, тактика выздоровления больного, плюс и после лапароскопических операций и торакоскопических операций²³, выздоравливание и выздоровление человека улучшается и ускоряется. То есть, при обычных операциях выздоравливание и заживление раны и основной операционной раны, оно длится около двух недель. Для восстановления и формирования рубца, послеоперационного. А после лапароскопических операций, это четвертые-пятые сутки – человек уже может ходить и полноценно обслуживать. И нет большого травмирующего [эффекта], это намного, намного ускоряет и улучшает медицинское обслуживание...

Эта техника, получается, зарубежная или наша украинская?

Техника частично зарубежная, частично украинская. Вот [видеолапароскопическая] стойка, так называемая, она у нас украинская,

киевского производства. Фирма в Киеве находится. Нам помощь оказал футбольный клуб «Динамо», он закупил вот это оборудование для нашего госпиталя и благодаря этому оборудованию мы сейчас можем делать такие оперативные вмешательства, которые не каждая областная больница может сделать, уже не говоря о районных больницах. Плюс используется у нас аргоноплазменная коагуляция, это новый метод тоже сварки, как сосудов, так и паренхиматозных органов, внутрибрюшных, внутриплевральных. Этот аппарат германского производства, он как электронож используется, плюс у него есть такая функция как аргоноплазменная коагуляция. Это новые современные, я бы сказал даже, суперсовременные методики, которые в медицине это последнее слово техники. Это оборудование у нас есть благодаря волонтерам и благодаря военному центру, военному снабжению. Тоже сейчас очень обратили внимание на военную медицину. Но за основу у нас все равно остается наше военное и табельное оборудование. Не всегда все старое – это плохое, очень много чего, надо от чего-то отталкиваться. Ну, вот у нас в госпитале объединились и новые, и старые, как методы, так и методики, так и оборудование, так и люди. Возрастная группа коллектива от 19 лет, у нас есть медсестра, которой 19 лет. И бывшие кадровые военные еще времен Советского Союза, которые служили при Советском Союзе в звании полковников, подполковников, которые так же пришли добровольцами и сейчас служат у нас в госпитале.

А сам госпиталь до войны где базировался?

Госпиталь прикомандирован был к Южному региону, то есть территориально это был Южный регион... Южный регион²⁴.

А в боевых условиях? Во время боевых действий близ каких населенных пунктов госпиталь находился, если это не секрет, конечно?

Точной информации я Вам сказать не могу. Он находился в 6-8 км от донецкой границы, на окраине Запорожской области, возле самой донецкой границы. Это было связано, первое – с расположением войск, а второе – это то, что в целях и охраны госпиталя есть военные границы и рубежи, в тех пределах, в которых должно быть развернуто то или иное военное подразделение. Ну, вот эти рубежи, все это было выдержано, вот потому, потому там было развернуто, потому мы там работали.

А раненых, получается, как доставляли из зоны боевых действий?

Раненые к нам доставлялись... ну, первоначальные боевые действия и

первые потоки раненых в госпиталь поставлялись авиатранспортом, в основном авиатранспортом, потом добавлялись – колесный транспорт, боевые машины даже привозили нам раненых. Поначалу это были передовые, с поля боя, можно сказать. Потом, постепенно, развернулись первичные и следующие этапы медицинской эвакуации и этапы медицинской помощи и госпиталь. Цепочка выровнялась и госпиталь занял свое место, то которое он должен занимать на военное время. И уже, к нам поступали в дальнейшем, и сейчас поступают раненые и пострадавшие, и больные, уже с первичными документами, уже с первичным всем. А первые раненые и первые пострадавшие к нам поступали без ничего. Бывало такое, что поступали раненые без документов, частично одежда только сохранилась, частично нет. С боеприпасами, с оружием, ну, просто с поля боя. Не всегда им оказана была первая медицинская помощь даже, не было ни первичной повязки, ничего, просто открытая рана, иногда даже с кровотечением. Вот такие вот, первоначально были поступления. Категория раненых самая разная: и пулевые ранения, и осколочные ранения, очень было много... превалирующие большинство это, конечно же, осколочные ранения.

Осколки от каких видов вооружения, в основном?

Осколки были и от систем «Град» залпового огня, и от минометов, и осколки от осколочных фугасных снарядов: как танков, так и самоходных артиллерийских установок. Сейчас уже меньше, сейчас уже больше такие осколочные ранения, даже есть от самодельных взрывчатых веществ, имеется в виду мины. Минируется территория, растяжки ставятся и не всегда это из боевого оружия, из военного оружия, а самодельные какие-то, радиоуправляемые мины есть. Ну, вот такие вот ранения в основном превалируют над пулевыми, это не те ранения, которые были во Второй мировой войне, не те, которые в Афганистане, Чечне. Там системы залпового огня использовались очень редко, и в Афганистане, если брать, то там они использовались на открытых территориях, а не по населенным пунктам, в основном по колоннам, а здесь все совсем по-другому. Плюс, здесь большое использование, сейчас, бронежилетов – системы защиты солдата на поле боя: шлемы, бронежилеты – они защищают, и активно уменьшилось количество полосных, серьезных полостных ранений. Но появились такие как: забарьерная травма, закрытые травмы и ранения. Сейчас тоже будет пересматриваться классификация ранений, в связи с тем

что, например, попала пуля или осколок в бронежилет, в плиту бронежилета – человек получает закрытую травму, ломаются ребра, ушиб брюшной стенки, ушиб внутренних органов идет, иногда, если удар сильный, то очень это серьезно. Хотя это не открытое ранение, закрытая травма, но это тоже считается раненым, так как он получил ранение в боевых действиях.

То есть, это менее опасно, но все же?

Ну, это может быть и опасно. Смотря как сломалось ребро, смотря, наступили осложнения, связанные с переломом ребер, с ушибом, иногда ушиб, может привести даже к остановке сердца. Сильный ушиб грудной клетки, так же и брюшной может привести к остановке. Вот, сейчас больше увеличилось таких, но это намного лучше, чем когда осколки попадают в полости организма, это считается всегда, и считалось, тяжелыми ранениями. Вот, например, из истории взять – времен Наполеоновской войны, времен первых войн царской империи, Российской империи, так там ранения в брюшную полость и в грудную полость считались смертельными, однозначно. И это очень сильно повезло человеку, который был ранен и выжил. И сейчас это не менее сложным остается ранение, хотя медицина пошла вперед, намного пошла вперед, и делаем все возможное.

А были какие-то периоды, когда было наиболее сложно?

Были, были такие периоды и эти периоды, кстати, совпадали не всегда с боевыми действиями, имеется в виду как... Вот почти все перемирия, которые записывались, которые звучали как перемирия; количество раненых у нас резко возрастало. Если так посмотреть, то это было две причины, одна – то, что довозили и давали возможность пособирать раненых, то есть собирали с поля боя и вот у нас сразу же возрастал объем работ. Плюс и то, что большие обстрелы, ну... говорят, что наши войска придерживались [перемирия], то есть, стояли на месте и по ним стреляли, и у нас тоже возрастала тогда работа. И вот это две причины: первая – это то, что большие, массовые... собиралось количество раненых, а второе – это то, что расстреливали... стреляли только по нашим войскам, а у нас не было...

Волонтерська допомога шпиталю
Фото із сайту неурядового проекту
«Інформаційний спротив»

Ну, то есть, наши войска не могли дать ответ?

Да, вот потому и возросло количество раненых, в основном раненых, травмированных и раненых.

А на данный момент чего наиболее не хватает?

Чего? Ну... такой острой нехватки у нас нет, но нехватка и обеспеченность у нас зависят от количества поступлений. Вот, у нас может быть такое, что затишье, перемирие скажем так. Плановая работа, то есть, поступает. У нас и раненые, и больные, поступления идут каждый день и оказываем помощь мирному населению. Но бывает такое, что массовые поступления, вот когда массовые поступления уходят большие объемы перевязочного материала, уходят большие объемы антисептиков, антибиотиков, гипсовых бинтов, иммобилизации, обезболивающего... что еще? Ну, то что больше всего необходимо при ранениях и в первые, двое, трое, четверо суток для лечения раненого. Это все очень быстро уходит, но в основном, благодаря снабжению военному, это все пополняется в первые сроки. Ну, к тому же, волонтеры подвозят то, что у нас нет на снабжении. Вот так у нас происходит, так что сейчас у нас, как сказать, крайних таких случаев нет, хотя были уникальные препараты, которые, я бы сказал, что не всегда можно достать даже в гражданской медицине. Так вот, нам волонтеры привозили и присылали из Киева очень дорогостоящие препараты, хотя они и очень нужны были для оказания помощи раненым. И эта очень большая помощь была.

А такой еще вопрос, скажем не из области медицины, а вот просто на Ваш взгляд, насколько реально создания какой-то «ЗНР»²⁵ здесь у нас, на территории Запорожской области?

Мое личное отношение – я негативно отношусь к этому всем. Почему? Потому что, есть Конституция, есть основной закон государства. Я считаю, что это все специально расшатанная обстановка другим государством с целью захватить территории, и все. Это точно так же, как есть, я бы сказал, активная агрессия, а это спрятанная, неоткрытая агрессия против другого государства, то есть расшатать обстановку. Нельзя в любом государстве, в любом... Взять Соединённые Штаты – всегда найдутся люди, недовольные властью, недовольные чем-то, но преобладающее большинство все равно же должны слушаться и должны делать и должен быть всегда закон, должен быть всегда то, что нельзя нарушать. Вот, территория государства и целостность государства, вот этого нельзя нарушать. Вот как в военном коллективе, как говорят, должны все солдаты подчиняться, и большинство, все, взять армии любых государств и любых эпох, взять римские, еще троянские войны, столетнюю – везде, весь военный коллектив, как и организм. Если хоть одна клетка в организме начнет отделяться и делать то, что ей хочется, а не подчиняться основным законам, те которые существуют в этом организме – это развивается раковая опухоль. Вот так же точно и здесь развивается раковая опухоль, ну, это точно как солдат начинает думать на поле боя – вот я хочу делать так... есть такие задачи, которые хочу, не хочу, а надо все равно исполнять и делать. Потому что из мелочи, из какого-то шага этого солдата зависит огромный прыжок целого подразделения, целой армии, огромный шаг вперед, огромное решение за этим тянется, вот так же точно как и многоклеточный организм, как организм человека, то что так же, как и государство – должно быть целое.

Насколько, теоретически, на Ваш взгляд, возможно возникновение этой «опухоли» у нас здесь в Запорожье? Есть ли к этому видимые предпосылки какие-то?

Видимые предпосылки – это в основном, я считаю, в управлении и в сознании самих только людей. Потому что жить прошлым – это ни к чему хорошему не приводит. Прошлое закончилось, прошло. Вот... Мы это прожили, прошли и перешагнули. Это надо было тогда создавать государство и не думать. В [19]91-м, [19]92-м году. Вот тогда надо было думать, тогда надо было что-то решать. А сейчас, а сейчас уже поздно. И

«ЗНР», и «ДНР»... А вот почему они и «ДНР», и «ЛНР» живут за имперскими законами? Если это свободное государство, то причём здесь империя? Причём здесь Новороссия и всё остальное? Этого государства, Новороссия, не было на карте около ста или ста с чем-то лет. И никогда его не было. Это царская Россия придумала Новороссию. Потому что никто ж историю не изучает так, как надо. Это государство российское ж пошло из Украины, а не из...

Ну, история учит только тому, что ничему не учит.

Да. Сейчас по телевизору есть такие данные, что подростки на Урале задают вопрос: «Как это в учебниках пишется “Украина”, а почему не пишется “Новороссия”, как говорит Киселёв?», «Почему в XV-XVI веке писали “Украина”, а тут резко возникла какая-то “Новороссия”?». Где стыковки? Почему? Если вот сейчас в Российской Федерации в срочном порядке переписываются книги. Так пускай задумаются, со своими людьми разберутся, со своими внутренними проблемами, со своей федеративностью и со своим государством. А не лезут в другую страну.

Может Вы хотели бы что-то пожелать или передать людям, которые будут читать это интервью?

Ну что пожелать... Пожелать только одного. Того, чтобы был мир на земле, чтобы не было войны и того, чтобы военная медицина оставалась в запасниках, оставалась на хранении, развивалась только в учебниках, а не в полевых, боевых обстановках. Ну что поделаешь, так уже случилось. Но всё равно, это не надо забывать. Те пережитки, те исторические факты, как говорят, что «то государство, которое не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». Так вот это очень и очень плохо, то, что нам сейчас приходится воевать, отстаивать свою независимость, потому что кому-то, где-то, что-то захотелось. Я считаю это совсем неправильно. Так не должно быть. Это моё личное мнение.

Вы говорили, есть у вас коллеги, которые имеют опыт ещё с Советского Союза, с Афганистана есть опыт?

С самого Афганистана нет. Есть миротворческие миссии в Африке, в основном, Эфиопия, кажется, Либерия. Вот. Такие есть офицеры, которые ездили в миротворческие организации.

А насколько этот опыт пригодился сейчас?

Пригодился. Пригодился везде. Во-первых, это по организации, нюансы

по оказанию помощи, по лечению огнестрельных ранений. Хотя вот они говорят, что за 7 месяцев работы здесь опыта работы набрались даже больше, чем там. Потому что там огнестрельные ранения встречались, хоть и были военные действия, но встречались намного реже. И там были, в основном, пулевые ранения, осколочных было мало, редко. Если сравнивать с современными обстоятельствами. И сейчас очень всё сложно, очень тяжело. Потому что появились современные виды оружия, так сказать появились средства защиты, которые снижают и меняют и тактику оказания помощи, и всё. Скажем так, они это улучшают с одной стороны, ну, а с другой стороны появились новые виды вооружения, которые наносят ущерб страшнее, хуже, тяжелее. Часто люди становятся инвалидами после этого, это не очень хорошо.

А вопрос по поводу протезирования, то есть, наша медицина способна с этой задачей справиться?

Протезирование на нашем этапе не проводится. Протезирование... у нас только восстанавливающие операции, это имеется ввиду шунтирование сосудов, магистральных сосудов, при огнестрельных переломах, при ранениях. Вот это да. Временная, я считаю, временная мобилизация аппаратами внешней фиксации, а не лечение. Должно быть. На этом этапе да. А вот на остальных этапах я не могу рассуждать. Что происходит дальше. Есть данные, но эти данные неподтвержденные и я не могу сказать по поводу протезирования.

На этом всё. Спасибо.

Не за что.

22 Зараз селище міського типу Більмак Більмацького району Запорізької області.

23 Лапароскопія – операції через невеликі (0,5-1,5 см) отвори, що сприяє швидшому одужанню. Токароскопія – обстеження плеври спеціальним інструментом, що вводиться через прокол грудної клітини.

24 Йдеться про оперативне командування «Південь».

25 Мається на увазі проект створення терористичної організації «Запорізька народна республіка» у Запорізькій області за зразком «ДНР» та «ЛНР».

ВАСИЛЬ (начальник штабу самооборони)

Армія-то відновлюється, але ж якщо б не волонтери – уже б, напевно, нічого не було. Є у нас промислові такі потужності, які могли б моментально, як під час Вітчизняної війни наладити випуск техніки, озброєння і все інше. Іде неадекватна оцінка того, що происходит сьогодні в державі

Ім'я: **Василь**

Рік народження: 1957

Статус: **начальник штабу самооборони**

Інтерв'ю записане М. Павленком

18 березня 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф. 29. – Оп. 1. – Спр. 32.

Назвіться, як Вас звать?

Василій Іванович.

Якого Ви року народження?

[19]57-го року народження.

Розкажіть, де народилися, де вчилися.

Народився в селі Смирново Куйбишевського району²⁶, де ми зараз і знаходимося, в [19]57-му році. Проходив службу в червонопрапоровому²⁷ Білоруському військовому округу, два роки. Потім закінчив Дніпропетровську середню спеціальну школу МВД і Національну академію внутрішніх справ міста Київ, потім – ад'юнктуру цієї ж академії, спеціальність – «Кримінальне право, кримінологія», здобув ступінь кандидата юридичних наук «Кримінологія, кримінальне право, кримінально-виконавче право».

15 серпня 2014 року відбулися установчі збори патріотично-

налаштованих жителів села Вершина, Смирново, Олексійовка і Тітово, да. І було прийняте рішення про створення загону місцевої самооборони, який отримав назву «Берда», оскільки тут бере початок річка Берда. На установчих зборах було присутнє 25 чоловік, які обрали мене керівником, обрали заступника начальника штабу і призначили мене як особу, яка представляє громадське об'єднання у правовідносинах с державою і іншими особами.

Загін самооборони – це, получается, громадське об'єднання, правильно?

Так, це громадське об'єднання, має свій статут і воно зареєстроване у виконкомі Смирновської сільської ради, оскільки організація не є прибутковою, не є прибутковою. Значить, за короткий термін, уже 22 серпня 2014 року було затверджено статут організації, герб, прапор і однострій, оскільки всі бійці загону мають військовий однострій, єсть свої емблеми, напис «Самооборона» і таке... і таке все інше.

Розкажіть більш детально: хто ініціював ці установчі збори?

Ініціювала ініціативна група. Ініціаторами були сільський голова, я, Петро Олексійович. Ми і ще декілька осіб брали участь... допомагали самообороні міста Бердянська. Працювали на блокпосту на в'їзді до міста Бердянськ і там здійснювали допомогу Національній гвардії, підрозділам ДАІ на блокпосту з цієї сторони Бердянська.

Це в який час Ви почали співпрацювати з Нацгвардією?

Це квітень 2014 року. Фактично, вона бере початок з квітня 2014 року. А потім уже ми, значить, створили саму організацію. От дата створення організації і в нас буде рік, оце ми будем святкувать, 15 серпня 2014 року.

А що саме Вас спонукало на створення загону?

Ситуація на Сході. Ситуація з Кримом і ситуація на Сході. Бачим, що щось треба робить.

Трошки назад вернемось, на часи Майдану. Ви їздили на київський Майдан, на запорізький?

Да. Да, да, да. Я брав участь.

А розкажіть детально.

Я узнав, що планується Всенародне Віче – це самий масовий, 500 тисяч, Майдан і я вирішив прийняти участь у цьому Майдані. Єсть відповідна фотографія, сфотографувався з Мірошніченком ВО «Свобода», там. Був я

на цьому Майдані, поки йшов той мітинг – я знаходився на Майдані.

Це який період?

Самий перший, основний. Як вже розігнали демонстрантів, коли вийшли 1-го грудня [2013 року], здається. Да, першого грудня сама перва була така масова акція.

І це 1-го грудня Ви були там?

Да, да. Першого грудня я був од початку до кінця. Ще у мене там проблема була: після завершення цього масового мітингу, значить, всі станції метро були закриті, а доїхати мені надо було аж у Бровари.

Значить, 1 грудня, це ж там у Києві під адміністрацією президента були... стички.

Значить, ситуація, яка... Ми йшли в колоні. Мене супроводжував там родич з Києва, він каже «колона». Ми, короче, вийшли з колони, пішли по тротуару і вийшли в голову колони. Дойшли, стоїть цей Мірошніченко, каже «Відкіля, хлопці?» «З Запоріжжя». Він каже: «Це я сюди зайшов, щоб колона зайшла» і, короче, я вважаю, що повезло: що біля трибуни ми були так ось як десь от до машини. І оце вся ситуація, ці всі виступаючі – вони залазили на той автомобіль зверху, крім Любомира Гузара. Ми всі були присутні. І коли сказали, що там стички з трактором біля Майдана, то побігли туди, значить: Порошенко побіг, побіг туди.

Це вже на Банкову?

Да, на Банкову. Коли він вже повертався, ми робили колону, біля нас проходили. Такий коридорчик робили.

Я завжди був патріотично налаштований, тому що я в свої часи, коли ставили Януковича президентом – я знав, що ця особа засуджена, поскоку я в органах працював і я не воспринімав як президента і цю владу – це ні в які рамки.

Коли на установчих зборах мене вибрали командиром цього загону – я став працювати над створенням статуту. Статут ми затвердили, зареєстрували, погоджено з відділом внутрішніх справ. Завдання нашої організації, яка сьогодні налічує більше 60 осіб... Основними завданнями нашої організації є загін місцевої самооборони «Берда» – це захист всіма можливими силами, засобами від прямої агресії Росії населених пунктів, що рекрутували до загону самооборони своїх представників, а за потребою – району, області, держави. Тобто наш, безпосередньо район, [де]

ми здійснюєм чергування по території в нічний час, то оці села, значить: Тітово, Смирнове, Вершина, Олексійовка – ми здійснюєм моніторинг ситуації. Ми слідкуєм за місцем постійного проживання, інформіруєм відповідні органи про можливу появу на адміністративних кордонах знаходження загону диверсантів, найманців, сепаратистів. Особисто берем участь у охороні громадського порядку на території району. Сприяємо внутрішнім справам у розкритті злочинів та затриманню злочинців – значить, це в статуті написано. «У разі потреби надавати практичну поміч правоохоронним органам, Збройним силам» і так далі. Це зареєстровано, угоджено з відповідними структурами, затверджено на загальних зборах.

Стосовно «ДНР». Вам доводилося зустрічатися з якимись диверсантами, розвідниками?

Нам довелося брати участь, значить, до десятки спеціальних міроприємств, які проводила Служба безпеки України з нашим участієм.

Це було не на території Куйбишевського району – правильно?

Не, це було в Розовському районі. У Донецькій області ми оказували допомогу.

А в чому заключалася ця допомога?

Отримати зброю, бронезилети і, значить, прикривати ці структури у виконанні їх завдань. Оскільки їх мало – дороги перекривать, щоб забезпечить їхню ж безпеку. У нас для цього єть каски, єть бронезилети і у бійців є нарізна зброя.

Ну це, виходить, добровольне, формування у Вас? Виключно добровольне?

Патріотично налаштовані громадяни цих населених пунктів, які виявили патріотичні почуття.

Тут місцеві мешканці?

Да, всі тільки місцеві.

Немає у вас тут всяких «наемников» із НАТО?

Ні, немає. Маємо спеціальні посвідчення, пройшли спеціальну підготовку: провели стрільби декілька разів, заняття по тактиці, по медичній підготовці.

А хто проводив ці заняття?

Ми запрошували військових. Військові, які безпосередньо прикомандировані до нашого району, проводили ці заняття: стрільби, медичну підготовку. Служба безпеки проводила заняття. Прийняли ми участь в акції «Марш Миру» в селищі міського типу – це 2014 року, 12 вересня.

Напис на пам'ятнику українським солдатам у селі Смирнове Запорізької області

Це в Куйбишеві?

В Куйбишеві. Нас запросили, всі в формі вийшли, була районного масштабу акція «Марш Миру», селище міського типу.

На сьогодні в чому головне завдання полягає? Чим Ви займаєтесь щодня, скажімо так?

Щодня ми ремонтуємо техніку віськовослужбовцям. Більше 10 одиниць відремонтовано з участю бійців самооборони, агрофірми і так далі. Ці питання ідуть через нас. Ноччю, я ж кажу ж, чергування, графік чергування. Моніторинг ситуації – щоб відслідкувати, щоб не було диверсантів і так далі... Єсть розроблений маршрут. Всі військові частини, які знаходяться при сприянні сільської ради, населення місцевого, самооборони – всі продукти ми доставляли в частину. Волноваха, Маріуполь, які непосредствено, продукти харчування з нашого населеного пункту.

Це місцеві мешканці збирали, а Ви привозили?

Да, да.

А скільки разів Ви виїзжали?

До десяти разів. Це таке, мелочь. І 309-й батальйон і 307-й полк. Багато. Нашим транспортом ми це все робили.

А місцева влада якимось чином допомагає? Тобто, сільрада, районна рада?

Сільський голова – він безпосередньо є учасником самооборони.

Є в нас жіночий підрозділ, який... сьогодні вони займають основне завдання вот непосредственно збір цих продуктів. Там їх пока шість чоловік, жінок. Їздили вони на п'ятого²⁸ до військових частин. В Трудове і в хімбат доставили солодощі, торти заказали від нас – це такі міроприємства. Ось буквально їздили ми поздоровили на день Збройних сил, жіночий підрозділ поздоровив і хімбат її знову, 309-й батальйон вже перед самим Новим Роком – теж зібрали солодощі, повезли, поздоровили. Потом два рази школа собирала продукти – ми теж одвозили. Діти помогли нам сплести маскувальну сітку і таке інше.

Це діти з якої школи?

З цієї, з Смирновської школи. 14 вже цього лютого ми доправили продукти, які зібрали, значить, жителі даже не нашого району, Чернігівського, району – це в 37-й батальйон, дислокація в Маріуполі. І сьогодні це буквально здали ось 29 січня Олексіївська школа передала продукти, які зібрали учні і доставили в 309-й батальйон і частина знову пішла на Маріуполь в 307-й інженерний полк, на дві частини розділили. Жінки приготували для хіміков солодощі, пиріжки – домашнього.

Блокпост... В нас ще є два автомобілі – УАЗи, у народі називають «таблетки», які, значить, підготовлені для виконання задач, то єсть мають специфічну окраску. Но саме головне – це дітище Володимира Вікторовича – зроблена польова кухня на 30 осіб, яка може автономно робить. Тобто, ми, в принципі, враховуючи те, більш-менш структурована така організація, яка, значить, при отриманні зброї може виконати якусь задачу нескладну.

Це все, виходить, своїм коштом і своїми засобами?

Це все своїми, ніхто нам нічо. Даже в статуті прописано – не є прибутковою. Допомагають всі, допомагають всі. Значить, дуже часто,

значить, ураховуючи, що служба міліції зайнята чергуванням блокпосту, оці функції на затримання дебошу... звонять всі сюди і виїжджають бійці самооборони. Затримали браконьєрів, лісорубів, які пиляли посадку. Затримані, порушена кримінальна справа, там шість осіб затримано – це безпосередньо бійцями загону самооборони.

Сепаратистів, диверсантів доводилось затримувати?

Ні. Такого не було.

Як місцеве населення налаштовано?

Більша частина населення нормально. Але є якісь люди несповна розуму, які не орієнтуються в ситуації, ждуть Путіна, ждуть Януковича, таке... Таких людей мало, я їх вважаю людей несповна розуму.

А з чим пов'язана така їх позиція? На Ваш погляд.

Влада всі роки [незалежності] ніякої ідеологічної роботи [не проводила]. Завжди якась ідеологічна робота повинна бути на виховання патріотизму, націонал-патріотичних...

Самий смішний анекдот – це, значить, 4 вересня ми провели стрельби, серйозні були стрельби і, було, Росія дала наказ припинити... було перше перемир'я – 4 вересня. Анекдот такий, що Путін наказав припинити вогонь, коли йому доповіли про результати стрільб «Берди», 4 вересня. Тобто, добре стріляли, хорошо стріляли.

А ви виїжджали на полігон?

Та єсть у нас тут місцевий кар'єр такий такого типа. У нас тут на місці єсть. Гараж свій для автомобіля зробили, територію убрали всю.

Чого не хватає на даному етапі? В чому є нагальна потреба?

Бензину немає і зброї немає.

Як ви вирішуєте питання з бензином?

Завтра соберемся – будемо щось думать... Когось просить звичайно, якщо знайдяться якісь нормальні люди. До речі, нам помогли люди, складали ось хлопці, по 150 рублів платили, коли брали ту машину, – все до копійки. Є в нас членський взнос – це по 100 карбованців щомісяця собираєм. Значить, структуризована організація. На сьогоднішній день маємо, крім форми, те, що є заступник з виховної роботи, є начальник штаба і заступник. Єсть керівник розвідувально-диверсійної групи для партизанської війни. Саме головне – що всі патріотично налаштовані.

Плануємо, значить, у суботу провести суботник, підготувати приміщення. Ми провели інвентаризацію всіх приміщень, [щоб їх] використовувати як військовими, так і медиками. Приготували бомбосховища. Далі – провели, значить, аналіз всіх медработників, які є тут. Є медсестра, єсть медикаменти уже укомплектовані. В кожній машині буде по сумці, єсть припарати для зупинки крові і таке...

Отака вся ситуація. Забезпечили охорону громадського порядку на виборах, по два чоловіки чергувало там на виборах. Да, і в дільниці теж забезпечили порядок. Роботи дуже багато. Якщо буде, дасть Бог, можливість рік святкувати нашою організацією, то запросимо – приїдете. Можна все буде писати, я підготую якусь доповідь, де конкретно, так що зроблено дуже багато.

Ви зберігаєте, будем так казати, громадський спокій без зброї, без нічого? На даному етапі.

На даному етапі – да.

Ну, а питання зі зброєю якось вирішується?

Ніяк не вирішується. Нема закону, який би дав можливість нас озброїти, хоча, значить, сепаратисти плюють на все і мають зброю, а ми все ж граємо.

Ну, вони ні в чому не обмежені.

Не, так, а чо ми повинні... Ворог наступа, у нас в організації всі нормальні люди, які вже з життєвим досвідом і які можуть розібратися в цій ситуації: і коли застосувати, і де застосувати, і як застосувати [зброю].

Який середній вік приблизно членів самооборони?

Я самий старший за віком, мені 58 років. Значить, починається з 20. Згідно статуту – тільки повнолітні, тільки повнолітні.

Ми, скажімо так, виокремили дві проблеми тут: по-перше, проблема з бензином, по-друге, із законом, який би надавав право на зброю.

Повинні мати зброю. Ви, якщо Ви звернули увагу, що написано: «Загін “Берда” – прототип майбутніх Збройних сил України» і єсли готуються якісь такі у законодавчому плані [зміни], зробити, [щоб] вони називали його: резерв... «Резервісти громадського резерву», тобто ті особи, які вдома мають зброю, які мають форму, які ходять там раз у тиждень десь на заняття, щось ночю чергують – тобто, вони по телефону можуть прийти,

взяти з дома автомат і тут якесь виконать завдання. Оце таке. Цього, на жаль, нема. Це, мабуть, швейцарський варіант організації військової служби. [Він нам] повністю підійшов би. Ось такі люди, ось вже один одного знають, виконують завдання.

Завдання оборони города?

Да, да. Нема, нема взагалі. У області єсть самооборона. Ну і плюс цей контакт безпосередньо із усіма військовими частинами. Ото такі дела.

Можна говорить про те, що на даному етапі одне із завдань – підготовка до партизанської війни?

Даже скоріш – підготовка до війни, тільки не до партизанської.

Не до партизанської?

А до ведення війни, тому що як такої тут партизанської війни не буде. Чого? Ви розумієте, що він [Путін] так називаємо «гібридну війну» [веде]. Ситуація яка: Ви ж бачите, як він веде військові дії. Зразу, значить, що: «Гради» обстрілюють територію, потом ідуть козаки, чеченці. Повинна бути чітко обозначена лінія фронту і чітко повинні, значить, наступати і виганяти. Сьогодні одне село, завтра – друге, завтра – третє.

Але зрозуміло, що такої війни, як, скажімо, була минула війна, ну я маю на увазі Другу світову – вже не буде. Правила вже змінилися.

Правила диктує хто? Хто нападає. Противник.

А чому ми не можемо диктувати в свою чергу правила?

Повна некомпетентність. Я вже казав і ще раз повторюю: вище керівництво... прийняття рішень запізнюється: місяць, два, три місяці. Певні рішення. Коли починалося в Слов'янську – скільки там було? Якщо взять працівників Служби безпеки і міліції, то ця операція повинна пройти... Всіх кинуть туди – за два дні вже нікого б там не було.

Там рахунок мав йти на години.

На години. Але керівництво показало повну, повнейшу некомпетентність у виконанні цих задач. В результаті, що ми маємо – маємо «ДНР», «ЛНР». Оце така ситуація. Тобто, надо рішення приймать своєчасно і єсть такий момент як кожний керівник любого рангу – він [повинен] ставити повинен певні прогнози, працювати над тими прогнозами. Їх ніколи ніхто не ставив, у результаті чого ми і допустили, [що] прийшов якийсь Гіркін, потом прийшов Безлер. Це повинно бути: мобілізовані всі служби безпеки, саме

моментально ці всі злочинці були там знищені. Друга основна проблема – що все-таки кордон закрити – оце саме головне. Безпосередній потік відтіля йде. Це тож таке упущення.

А як Ви вважаєте, є якийсь взаємовз'язок між так званими «гуманітарними конвоями» і постачанням бойовиків?

Прямий, прямий. Виходячи з цієї інформації, що ми маємо, що після отримання того чи іншого гумконвою посилюється обстріли, збільшуються атаки і таке інше. Плюс оце ж все керівництво, що я показував – це і Дебальцевський котел, перший, Іловайський котел. Чи не вміють, чи не хочуть. От дивіться, скільки ми написали від створення цієї нашої організації, – ми зробили не то, що багато, а дуже багато, дуже багато по цим міркам.

Тобто, за великим рахунком завдання влади – не мішать? Не заважають? Нема ніякого спротиву – підтримка єсть така.

А на районному рівні якась допомога є чи...?

Підтримка, всебічна підтримка.

Якісь побажання від Вас, з Вашого боку, до тих, хто читати це інтерв'ю у майбутньому.

Своєчасно приймати рішення. Своєчасно прогнозувати ситуацію: що воно, як воно буде, що воно буде. Повинні люди знати. Як кажуть люди, обізнаний – значить озброєний.

А як Ви думаєте, ця війна ще надовго затягнеться?

Надовго. Йому потрібна дорога на Крим. У Криму назріває соціальна катастрофа, а що без дороги? Це хіба щось там у політичному керівництві Росії [відбудуться] якісь зміни, хоча в це важко віритися. Чого важко – тому що кажуть, там ще є гірші за Путіна. Самі ми винуваті, ми привели Януковича. У нас був вибір: була б Тимошенко – може щось і було б. Я більш, ніж впевнений, що Янукович приймав участь у програмі, він знав, що таке буде, він знав що його ніхто не вибере, вже щось воно готувалося таке. Ця людина – не наш, він не українець. Особа двічі судима ніколи не може керувати державою. Зек – він єсть і в Африці зек.

Наскільки вірогідно створення «ЗНР» тут у нас, на Запоріжжі?

Якщо буде така агресія з боку Росії – то все можливо, все можливо. Даже така інтересна деталь – коли з товариства-підприємства попросив кредит у

Києві, то [йому відповіли]: «Ні, ми Вас не кредитуємо». Запорізька, Херсонська, Миколаївська область, тобто...

Ті, що наближені до?...

Ті, що наближені, ті, що в полі зору Росії. Оце така ситуація.

Та що сподіваться... Сподіваться надо, розумієте, що президент повинен виконувати свої передвиборні обіцянки. Він сказав, що Антитерористична операція повинна продовжитись години – сутки. А якщо воно вже війна? Якщо вже застосовується гаубиця, то яка, яка Антитерористична операція?

А в чому полягають помилки?

Некомпетентність. Повна некомпетентність всіх гілок влади. Всіх гілок і тих структур, які повинні відповідати за безпеку держави, – вот повна їх некомпетентність. По-перше, це там дозволили, значить, кремлівській агентурі брати участь в роботі їх. Значить, здали всі позиції. Тобто, оці функції не виконала держава, не забезпечили безпеку. І коли, я ж говорю, коли там було Гіркін, цей же Безлер – їх там було небагато, то це, якщо небагато, то їх повинні були ліквідувати на протязі суток-двоє. Значить, підняти спецпідрозділи, очепить цю територію, профільтрувать, всіх положити, кого надо, на землю, хто стріляв – в тюрму, хто не стріляв – амністію і таким чином навести порядок. Вони ж чекали і ждали. Це рівнозначно, якщо десь горить щось, а ми його не тушимо. Що далі буде? Піде далі горіть. От воно і пішло горіть. І там на черзі Харків теж. Ми ж не знаєм, скільки там проросійських елементів, вони ж ще на сьогодні всі ж законспіровані, ждуть, чекають. І оці останні теракти в Одесі, безкінечні теракти в Харкові... І сьогодні Служба безпеки – вона не вирішує своїх завдань досконально. Вони повинні знати все, де тільки якийсь злочин скоєний – вони повинні вже бути. Кращий показник – коли вони розкриті, які скоїли – притянуті до відповідальності. Цього немає.

А можна говорити про якийсь, скажімо так, саботаж з боку влади у цьому відношенні?

Єсть саботаж. Якщо взяти навіть таку деталь: вот скільки нас було без голови обласної держадміністрації? Вот тільки назначили його буквально недавно²⁹. Скільки часу не було? А це ж, все-таки, час, тим більше, що область фактично прифронтана. Вона знаходиться безпосередньо недалеко від Маріуполя, де фактично ведуться бойові дії.

Тобто, це все воно таке і сьогодні ми за це платимо. Платимо дорогою

ціною... Але все я говорю: повна некомпетентність. От даже спілкування з військовими частинами. Один нормальний командир – там ідеальний порядок, там люди знають свою бойову задачу і її виконують. Де людина некомпетентна – там розвал, дисципліна хромає, шкутильгає. Повинна бути кадрова політика, своєчасна повинна бути.

Армія-то відновлюється, але ж якщо б не волонтери – уже б, напевно, нічого не було. Є у нас промислові такі потужності, які могли б моментально, як під час Вітчизняної війни налагодити випуск техніки, озброєння і все інше. Іде неадекватна оцінка того, що происходит сьогодні в державі. Політично керівництво держави не дало адекватну оцінку. Поїдьте Ви в любе місто: Київ, де там, значить, всі працюють, як ні в чом не бувало, як вроді ніде нема війни, ніхто ніде, не гинуть мирні мешканці, не наші молоді хлопці – це ж кращі, кращі люди.

Ні, ніхто не зробив висновки. Повинні, якщо взяти сьогодні кучу проблем, яку має на сьогодні держава, то сьогодні проблема миру должна быть проблемою номер один. Повинна бути ставка головнокомандуючого в районі ведення бойових дій.

У нас же є штаб в АТО.

Штаб АТО... Дуже час іде, прийняття рішення до виконання дуже довго. Повинно все вирішуватись на місці. І якщо снова, значить, врахувати кількість воюючих з тієї сторони – там єсть «ДНР», «ЛНР», російські війська – якщо взяти Службу безпеки України, працівників міліції – то це тоже озброєний загін влади. Повинні ефективно і на протязі короткого часу вирішити цю проблему. Ми або чогось не знаємо, або щось там трошки десь не так, як це воно повинно бути. Війна єсть війна і все повинно працювати на війну. Були ж часи, коли можна було наступать, коли не було перемир'я, коли можна було підтянути війська і планомірно, значить, поступово звільняти одну частину, другу, третю частину, чого не було зроблено. Сиділи, ждали, чекали...

А що тоді вже за Крим говорити – там ще ситуація гірша... За Крим – там на сьогодні дуже обмаль інформації. Це повна анексія, анексія Автономної Республіки Крим, а раз анексія – це значить війна. Повинна дати міжнародна спільнота оцінку, міжнародне право должно дати оцінку, що це таки війна і вже з цих позицій виходить, а ми, вже сьогодні, бачите, за Крим – уже майже ніхто не говоре за Крим.

27 Мається на увазі червонопрапорний – нагороджений почесною радянською відзнакою – червоним прапором.

28 5 березня 2015 р.

29 Йдеться про призначення головою Запорізької обласної державної адміністрації Валентина Резніченка 20 лютого 2015 року. Він пропрацював на цій посаді до 26 березня 2015 року.

ІЛЛЯ (переселенець)

«Сказали, мы теперь республика и все. А как республика без экономики? Без инфраструктуры. Без ничего. Я думаю, как вот можно? Недолго продержится эта республика. Либо придет к власти уже Украина. Либо что-то развалится и будет что-то. Я думаю, что долго это не протянется»

Ім'я: Ілля

Рік народження: 1996

Статус: переселенець

Інтерв'ю записане С. Білівненком

20 лютого 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф. 29. – Оп. 3. – Спр. 2.

Назвіться, будь ласка.

Меня зовут Ілля. Сам я из города Ждановка, Донецкая область. Родился в городе Харцизске.

Расскажите, пожалуйста, о Вашей семье: происхождение семьи, как жили до конфликта?

До конфликта жили все мирно. Всё спокойно было у нас в семье. В том плане, что у нас родственники, в основном, есть как и в России, так и в Украине. То есть между, между нами такой борьбы не было. Ты правый, ты левый. Такого у нас не было. Жили дружно все, нормально. А после конфликта положение у нас в семье не изменилось. В том плане, как мы друг друга поддерживали. Звали нас родственники, чтобы мы уезжали к себе туда, то есть в Россию туда. Но мы как бы остались. Мы не хотели покидать свой дом, потому что сколько мы там прожили, сколько мы туда денег вложили. А потом просто так взять бросить и уехать? Нет. Мы так не смогли. Мы остались. В том плане, что родственники нас поддерживают, даже сейчас. Нет никакого на нас, как сказать, там «Че вы так дурно поступили?», «Шо вы там остались?».

А расскажите, Ваша семья вот она с России и как сюда приехали? Или они там проживали?

Ну в основном... У меня отец – сам украинец.

А откуда он?

Сам он, получается, родился в городе Зугресе. И в Зугресе там у нас есть своя дачка. И там тоже родственники есть у нас. И отец с семьей, получается, он еще когда он был маленький, они переехали в город Ждановка и там уже основались и начали жить. А вот мама. Мама сама с России. Но тоже как бы жили в Украине. Вот родственники именно с России. И тоже она ездила туда. Все время все в Ждановке жили.

Шахта Жданівська

Чем занимались родители?

Отец – шахтер. Где-то, может, с 13-летним стажем. Был на Шпицбергене, по контракту ездил туда. Это возле Норвегии, если я не ошибаюсь, или выше. Мать отучилась и пошла в бухгалтерию. Была там в бухгалтерии как бы местной пекарни. А потом уже в финансовое управление взяли именно [из-за] знания дел с бумагами. Ее взяли. То есть, она как бы щас госслужащий. А отец как бы сейчас безработный.

Скажите, пожалуйста, Вы один в семье?

Да. Я один. Но у отца была еще одна семья. Я как бы у него второй. А у

мамы я первый.

Скажите, пожалуйста, что для Вас стало началом конфликта, когда пришло ощущение, что что-то не так?

Это сразу после начала Майдана. Отец сразу сказал, что мы за это будем получать.

Это когда было осень, зима уже?

Это как бы зима.

То есть, это уже [20]14-й год?

Да. Не... ну когда там было? 30 ноября.

Когда студентов разогнали?

Да вот этот. И отец тогда сразу сказал «Мне кажется, что мы будем получать». И все. И после вот этих слов пошло-пошло и начали мы, так сказать, получать.

А он не уточнял от кого получать?

От грядущей власти, которая будет идти. Вот именно так он конкретно выразился.

Скажите, пожалуйста, когда именно у вас что то не так началось, в городе. Как это проходило? В принципе, во всех маленьких городках было спокойно.

Да у нас, в принципе, в городе прошло все без всякого такого. Просто произошло. Просто меняли флаг. Собралась небольшое количество людей. Сменили флаг. И все. Все разошлись по домам.

А когда это было?

Честно не помню. Возможно, где-то в июне. Да. Ну нет. Референдум там когда был? 11 мая. Где-то вот весной где-то или в июне.

А общие настроение людей вот были, рады вот были изменениям. После Крыма какие были настроения?

Многие думали, что получим после вот этого как бы автономию. Так сказать, народ хотел, типа, в Россию. А сейчас вот если поехать туда и посмотреть, то народ просто устал. Просто уже хотят спокойствия. Чтобы уже стабилизировалась ситуация, чтобы уже хоть какие-то. Дороги были открыты. Чтоб нормально могли ездить. Просто, если бы не были

перекрыты дороги. То есть сейчас на дорогах стоят блокпосты. Волновахские, Артемовские блокпосты эти стоят. Если б эти блокпосты работали нормально. То есть пускали народ, пускали фуры с едой. И прочими необходимостями. То ситуации на Донбассе, которая сейчас сложилась не было бы. Была бы стабилизация. Просто сейчас народ подавлен. Просто уже хотят спокойствия.

А Вы в Запорожье с родителями или сам учитесь?

Я в Запорожье один. Родители меня вывезли.

А они остались там?

А они остались там. Да. Это, когда 1-й курс, мы выехали в августе где то числа 20-го перед уже заселением в общежитие, перед вот этим 1-м сентябрём и прочие. Мы тут сняли квартиру. Ото побыли. А нет. Перед этим мы были в Бердянске. Мы в Бердянске пробыли до 26-го. И приехали сюда уже на заселение и на прочие.

А были ли какие-то проблемы, когда Вы ехали сюда?

Сюда вообще не было проблем. Тогда ж не было еще таких блокпостов. Вот этих. И Кураховское направление было открыто. Там стояли блокпосты. «Куди їдите? Там Запоріжжя. Гаразд, щасливої дороги». И все. Все мы проехали спокойно. Родители обратно проехали нормально. А вот сейчас, чтобы ко мне проехать, сюда нужно простоять очередь. По времени может занимать 10-12 часов. А вообще может сутки стоять. Вот так вот.

Это на наших блокпостах?

Да, на украинских.

А сепаратистские?

Сепаратистские пропускают нормально. «Куда едете?». «В Запорожье». «К кому?» «К студенту». «Счастливой дороги». Все.

А расскажите почему Запорожье?

У меня вообще решение было поступать либо в Горловский, либо в Донецкий институты. То есть, как вот эти случились события. Мы решили, что не будем рисковать и уже поедем, куда-то на территорию Украины.

А вот как решили? Вы вот собрались, мама, папа. Вот как решение принималось, или отец решил или мать решила? И почему именно Запорожье, не Днепрпетровск, например?

Мы подали документы [в] Запорожье, Днепрпетровск, Мелитополь, Донецк. И мне пришло от Запорожья, что «Поздравляем, Вы приняты». Как терять такой шанс? Может, я вот сейчас не поеду, а в Донецке не поступлю. Вот эти вот события. Мы сели, коллективно пообщались и сказали «Нет, будет так лучше». Родители не стали настаивать на своем. Так сказать, мой выбор.

А вот внутренней выбор: больше в Донецке хотели бы учиться, или какой-то другой город там Киев, Москва.

В Россию я не хотел ехать учиться. Больше у меня желание было учиться на территории Украины. Поближе. Там Запорожье или Донецк, или Днепрпетровск еще. Выбор пал на Запорожье.

Вы сказали фразу «В Бердянск переехали». Почему?

По пути в Запорожье родители посоветовались и сказали, что поедем хотя б на море, хотя б побудем. Хоть немножко посидим. Может, что-то там еще купим для тебя. Так вот посидели и поехали.

Вы на своем автомобиле ехали?

Да. На своем автомобиле.

Боялись на своем автомобиле ехать?

Конечно. Конечно, боялись. Вот сейчас родители бояться ездить в Запорожье с АНовскими номерами, то есть Донецким регионом. Потому что, как они много слышали, что прокалывают шины, прокалывают еще что-то. Бьют стёкла. Пишут там что-то непонятно. Боятся. А я говорю, что че вы боитесь, если я по Запорожью вижу много АНовских номеров, чего боятся?

А если не секрет, машину не меняли? Вот там есть слухи, что дешевые тогда начали.

Не. У нас это Лада 16-я модель. То есть, бюджетный вариант.

Когда вот выезжали из Ждановки самой, вот как маршрут прокладывали? Вот почему Вы говорили на Бердянск на море заезжали. Где-то там война уже шла по сути да, боевые действия.

Не. Ну, по сути, боевые действия тогда шли, если я не ошибаюсь, там на Славянске, выше. Нас еще тогда такое не касалось. Мы выехали где-то может 16-го августа. А 16-го августа освобождение было. Украинские войска подошли со стороны Енакиево по полям. И как раз таки возле

нашей улицы прошли и попали в мерю тогда. И произошло как бы освобождение от «ДНР» вот этих прочих. Повесили украинский флаг и тогда мы уже приняли решение, что надо ехать сейчас, потом мы не выедем. И мы, получается, 17-го поехали и до 26-го числа мы там пробыли в Бердянске. И мы ехали через Зугрес, вот околицами. Потому что тогда на Харцизское направление велись боевые действия. Это как раз таки мы по карте глянули. То есть в Украине. То есть в нашей Ждановке. Оказалась в таком кольце. Потому что Енакиево – «ДНР», Харцизск – «ДНР», Кировск – «ДНР», то есть они в кольцо попали вот такое. И Розовка – там «ДНР». И нам не было дороги выехать через Харцизск. То есть Харцизск, Донецк и погнали туда на Запорожье. А через Зугрес там проезжать что бы выехать на вот эту основную трассу до Запорожья.

А когда Вы ехали, были блокпосты какие-то там, военные части?

Блокпосты были. То есть, вот эти ДНРовские блокпосты, потом украинские блокпосты.

На этих ополченских блокпостах, кто стоял?

В основном, стоят молодые парни. Шахтёры. Ну может, шахтеры. Там лет 40-50 лет.

Это местные люди или приезжие?

Местные. Потому что многих мы знаем. Просто, мы с ними не общаемся. Но по городу мы их видели, мы их знаем.

А чем они занимались до войны, эти люди?

Кто-то был студентом, кто-то работал на шахте. Потому что наш регион специализируется на добыче угля. И наш город не исключение. Кто уже на пенсии. Кто тоже госслужащий.

То есть абсолютно разные люди?

Абсолютно разные люди. Нету там каких-то определённых

А что их сподвигло на то, чтобы вступить в ополчение? На Ваше мнение.

На мое мнение. Просто они не хотели, что так же произошло, как и в Киеве. То есть, не хотели такого переворота. Не хотели, что бы мужики сидели просто по домам и смотрели по телеку, что в Донецке произошла смена власти. А хотели как бы там избежать вот этого всего.

Я не знаю, спрашивал, нет по поводу ваших одноклассников. Вот какая часть их поехала на территорию Украины осталась и на территорию России? Есть какие-то у Вас известия?

Я не с многими со своего класса сейчас общаюсь. Может так, человек 7-8 сейчас находятся на территории Украины. Это Бердянск, Одесса, Киев, тоже Запорожье. Многие пооставались у себя дома. Кто вообще никуда не попустил. Кто уехал в Россию тоже там.

А в Россию поступали или жить уехали?

И жить, и поступать туда.

А в ополчение ушли кто-то?

Нет. Никто из наших в ополчение не ушел.

А со знакомых?

Со знакомых. Да, есть такие. Но я с ними не очень сейчас общаюсь. Но есть такие знакомые.

А какой процент знакомых?

Может, процентов 10.

А те, кто ушли в украинские добровольческие батальоны или в ЗСУ, есть такие вот знакомые?

Вообще нет. Не, ну может, те, когда учились. А про своих немножко знаю совершенно.

Тогда возвращаясь к Вам. Вот какие ощущения были, когда уезжали? То есть, возвращаться потом, не возвращаться. Или потом перевестись в Донецк хотелось потом?

Когда все утихнет?

Когда все утихнет.

Во-первых, это была непонятность, страх. То есть, а что будет завтра? Сможем ли мы завтра? Конечно, да. Еще раз подчеркну, это был страх. И непонятность. Вот это вот, что да как. Как мы будем? Выезжали мы тоже с непонятностью, как мы доедем, а что мы, а куда мы? И сейчас вот, а как, а куда?

А если не секрет, вот когда выезжали, а ценности с собой забирали или прятали где-то, родственникам знакомым оставляли?

Ценности? Суммы с собой же забирали конечно. Мало ли. Вдруг что опять произойдет. Не дай Бог, либо опять одни придут, либо опять одни уйдут. Мародерство. Или еще что-то.

Мародерство?

Мародёрство у нас в городе не процветало, а если и были какие-то сначала, то они быстро подавлялись. Сразу же. То есть.

А мародерничали украинские войска или ДНРовские?

Как сказать. И те, и те. И те, и те. То есть, не секрет, мы когда уже, я помню, ехали, навстречу нам ехала фура военная с украинским флагом.

А где это было?

Честно, не припомню какой это был маршрут именно. Но на встречу нам, мы видели, ехала фура такая с груженными вещами были. Такие ценности. Мебель была, телевизоры, мы это точно видели. То есть, как мародерство было со стороны тех и тех.

А видели у Вас где-то на улице, кроме вот этой фуры? Может, знакомые рассказывали.

Нет. Ну такого. Чтоб не зашли по домам. Мне подруга рассказывала, что местные наши. Ну как местные. То есть вот эти ДНРовские, то есть вот эти сепаратисты или как.

Как Вам удобно. Как Вы их у себя называете?

«ДНРовцы» называем.

А вот Ждановка вообще небольшой городок?

Небольшой. То есть, до всех событий у нас было 14 тысяч населения. Когда начались уже события, начал народ немножко уходить. То есть, как немножко. 3 тысячи ушло. То есть, 12 тысяч [осталось]. А сейчас вот уже как намного лучше обстановка, чем была тогда. Народ начал понемногу возвращаться. У нас маленький город – 14 тысяч – 12 тысяч населения.

До этих всех событий были за пределами Донбасса?

Конечно. До событий мы с классом во Львов ездили и в Крым ездили. В том же Запорожье были. В Днепропетровск ездили. Мы вот семьей каждое лето в Крым ездили, отдыхали. Возвращались обратно.

Отделяете Донбасс как отдельный регион со своими особенностями

именно от Украины или от России? Это вообще, что-то отдельное по ментальности? По Вашим наблюдениям.

По ментальности. Да. Можно сказать, что отличается.

Чем?

Как сказать...

Ну, вот запорожец и дончанин.

Запорожец и дончанин, я так посмотрел, не отличается, что тот обычный, как с Каменки вот у меня сосед по общежитию. С Каменки тот же обычный работяга. Что и у нас обычный работяга. То есть, нету такого отличия от левобережных. От левобережных у нас нет. От правобережных есть отличия, конечно.

В чем?

Менталитет тоже самый, то есть отношения. Даже вот сейчас события, которые у нас происходят на Донбассе. То есть, если там человек начнет говорить либо на суржике, либо на украинской мове, его все поймут. И ничего не говорят «Иди отсюда» и прочее такое. А вот не знаю. Может стереотип уже сложился. Если там во Львов съездить. Начнешь на русском разговаривать, тебя начнут выгонять. То есть, ты уже там «москаль» и прочее.

А когда Вы были во Львове, Вы разговаривали с местными на русском или на украинском?

И на русском, и на украинском.

И как к Вам относились? Вы замечали эту разницу?

С определёнными людьми, с которыми мы общались, мы не замечали разницы. Мы жили у хозяйки у одной – она просто уже привыкла, что и русские к ней ездят. И белорусы, и из Польши, и те же местные отдыхают. То есть, она уже привыкла к этому общению на разных языках.

Конфликтов не было?

Конфликтов не было. Даже если зайдешь в местный ларек и купишь воды – ничё тебе не скажут.

А в трамвае? Где-то в музеях, где Вы были, слышали какое-то негативное отношение к себе?

Нет.

Во Львове, в Запорожье?

Вообще нет. Ничего.

Вот по поводу дать прозвище какое-то? Там «Донецкие – все бандиты», в глаза такое не говорили?

Нет, в глаза не говорили. Может, за спиной. В глаза, чтоб там подойти, сказать «Ты такой...» ...

А если возвращаться к донецкому характеру – существует ли он, какой он, донецкий характер?

Донецкий характер.

Вы же общаетесь полтора года [с запорожскими людьми].

Если честно, одинаковые.

Разница?

Разницы я такой не вижу. Ну да, я то что сейчас много знакомых, которые разговаривают на суржике. Да, мне это, конечно, новое что-то для меня. Потому я как бы все время общаюсь с людьми на русском языке. Когда там переключаюсь на украинську мову, да там я так разговариваю. С человеком на суржике. Я не сильно понимаю, но уже вливаюсь, так сказать.

А там нет таких да? То есть, там только на русском?

Новое поколение разговаривает больше на русском. Есть на украинском. А вот старое поколение больше на украинском и на суржике. Такое. Но суржик редко попадается. В основном, на украинском. То есть бабушки, дедушки, прапрабабушки, ну такое в общем.

То есть, они там тоже на украинском?

Да. И нет никакой там, так сказать, дискриминации по языку. Нету такого.

Скажите, а вот возвращаясь опять к Вашей поездке, когда в Запорожье Вы выбирали квартиру и где селиться. Опять таки, какие-то были предпочтения, может, должны быть вот такие люди жить.

Нет таких предпочтений. То есть, Вы имеете в виду хозяйки. Не, таких не было предпочтений. Главное, чтобы платили. Заплатил – живи. А на каком ты языке говоришь, им все равно.

И вопросов не было: «Откуда Вы?»

Нет. Вопросов не было. Еще раз говорю, главное – платите. Хоть ты там араб и мусульман[ин] и такое прочее.

Опять, возвращаясь вот к вашему историческому восприятию. Начиналось все не под лозунгом «ДНР», «ЛНР», а под лозунгом «Новороссии». Существует ли она? С Вашей точки зрения и где это географически начинается и заканчивается?

Вообщето, если я не ошибаюсь, то эта «Новороссия» должна была больше быть. Это Харьковская, та же Запорожская, Днепропетровская [области]. Кто там еще... Одесская, если я не ошибаюсь. То есть, как «Новороссии» не существует. Просто два региона, которые названы «ДНР» и «ЛНР», не могут называться «Новороссия».

Восприятие самих жителей, кем себя воспринимают: частью «русского мира», «нового русского мира», отдельным Донбассом? Как они себя мыслят? И вот Вы как себя ощущаете на данный момент там? Ну знаете, как выходец откуда или какого там происхождения человек?

Я себя считаю выходцем с Донбасса. И я этим не стыжусь. Че стыдиться? С Донбасса вышел парень. Ну многие. Как сказать, одни хотят быть с Украиной, другие хотят быть с Россией. То есть, какие-то и проукраинцы, и пророссийские. А есть те, которые просто уставшие.

А в процентном соотношении как можно их распределить?

В процентном соотношении. Украина – процентов 40. Русских тоже процентов 40. И 20, получается, вот этих.

*Плакати із написом на фоні українського прапора
в окупованій Жданівці (квітень 2015 року)*

Тех, кто просто устал?

Тех, кто просто устал.

А есть те, которые хотели жить просто отдельной республикой?

Есть да. Есть те, которые хотели бы жить отдельной республикой. Они принимают – нет Украины. Все, не надо. Все, нас бомбили.

Большинство хотят стать частью России или хотят стать отдельно, отдельным государством?

Вот многие по сведениям, которыми я владею, многие уже хотят быть с Украиной. Как бы. Контакттировать с той же Украиной. Ввести ту же гривну.

Сейчас там рубль у вас?

И рубль, и гривна.

А больше расчеты в чем? И откуда рубль берется?

Рубль берется от России, конечно ж. А зарплата выплачивается. Курс не такой, как в Украине. Курс, если я не ошибаюсь, 33 копейки или 32. А там 1:2. То есть 200 гривен это 400 рублей.

Паузу сейчас. Продолжим.

Ми говорили про те, як сюди відповідно приїхали, як оселились. А важко

Вам было от відповідно до якихось нових умов? Чи взагалі це для Вас не було новими умовами?

Это не было для нас таким. Потому что мы, еще раз повторюсь, ездили каждое лето в Крым и там искали квартиру, где жить. То есть, не было у нас такого трудностей с поисками квартиры. Потому что мы уже как бы знали, где что искать. Какие сайты, кому позвонить. Тем более, тут в Запорожье есть уже знакомые. Знакомые со Ждановки. Потому что они там еще до всех событий еще давным-давно выехали сюда и тут живут.

Тобто. Была социальная связь налажена через старых знакомых, так получается?

Через старых знакомых. Это у нас появилось только вот совсем недавно. Потому что бабушки повспоминали. Что он там уехали туда. А так это соцсети, Интернет и так прочие.

А расскажите еще пожалуйста, а другие люди со Ждановки уезжали сюда в Запорожье, как они находили где жить, тоже самое, как Ваш метод?

Тоже самое. Наш метод – Интернет.

А обращались к каким-то там волонтерским структурам?

Нет.

Никто?

А мы не знаем, существуют ли они.

Там какой-то городок есть вот этот модульный, то есть туда никто?

Нет. Мы просто в Интернет зашли, посмотрели – «Сдаю квартиру, там такой-то проспект Ленина³⁰», например и все. Позвонили. Свободно? Свободно. Завтра будем. И все. Вот так.

Вы говорили, что ездили каждый год летом отдыхать в Крым. А этим летом ездили?

Нет, этим летом у нас никак не получилось выехать в Крым.

А есть люди, которые ездили со Ждановки? Как там сейчас вот жизнь? То есть, работают предприятия, не работают? Как оно там все?

В Крыму у нас поехал наш родственник. У него там свадьба была. По его словам, работа есть. Деньги люди получают. То есть, что до Украины было все нормально люди работали, получали деньги. И после аннексии Крыма

работа есть, все есть.

То есть, все тоже?

Все, что было, все осталось. Только смена власти, смена в экономическом плане все. А так все как было, все осталось.

А в Ждановке где сейчас люди работают, какие рабочие места есть?

Люди там были на своих местах. Кто продавец, кто госслужащий, в мэрии кто, кто в ДК, в ЖЭКе. Как все работали, так там и осталось.

То есть, по сути, кардинальных изменений не произошло?

Нет.

А позакрывались там какие-то предприятия или что там?

Точно знаю, один магазин закрылся.

И все?

И все, да. А так от, кто хотел, тот остался и дальше работает на своем месте.

А получается вот эти все люди, которые были при власти при Украине так же и остались работать или смена произошла в мэрии на таком чиновническом уровне?

На чиновническом уровне. Мэр [у] нас так и остался. Потому что он, как сказать, не убежал, а просто, по многим слухам, многие, кто из других городов просто убежали. Бросили, так сказать. А наш как бы остался. Был. Когда бомбежки были и в подвалах с народом сидел. В общем, такой.

А во время, как только начался конфликт, какую местная власть позицию занимала?

Как было при Украине, так и осталось. А вот потом, когда уже начали «ДНР» давить, пришлось, так сказать, прогнуться под них. Вот так вот.

А вот когда бомбежки. Это, получается, украинские войска, или когда были украинские у Вас стояли, бомбили ДНРовцы? Когда основные боевые действия происходили по рассказам?

Ну вот, как раз таки мы были свидетелями, когда входили, были слышны взрывы, были слышны автоматные очереди. Именно когда Украина заходила там со стороны Енакиево по полям. Было слышно. По рассказам. У нас как Ждановка, недалеко от Донецка, недалеко от Харцизска. И мы это

все слышали. Когда вот по аэропорту были действия, мы слышали. То есть, до нас доходило это все.

А в самой Ждановке?

В самой Ждановке таких боевых действий не было. Но вот после того, как я уже тут в Запорожье остался. Не первый месяц был тогда. По моему, что-то было. Что снаряд попал в дом один и попал именно в квартиру. И там воронка такая. Как раз прямое попадание было. Что семью убило. То есть, там жена была, муж был и маленькая девочка, по моему. Снаряд попал туда. А кто выстрелил тогда, не знаю. Мы не можем сказать конкретно: либо Украина, либо «ДНР».

Сейчас там милиция, полиция? Что там?

Местная, как, милиция.

Ополченцы?

Да.

А форма какая у них там?

Форма камуфляжная. Только с нашивками там «милиция, полиция ДНР» и все такое. Так же есть патрульные машины. Самому, если в Донецк поехать, посмотреть, – есть, ходят патрульные. Ходят там, есть эти машины патрульные.

В Донецке Вы бывали?

В Донецке проездом. То есть, когда в Запорожье ехал, проезжали краем Донецк. Мы вообще в Донецк до всех этих событий, когда все началось, мы в Донецке нечасто были. Может, раз, два съездили в месяц. А так дома сидели и все. В Ждановке конкретно.

*Знуцання сепаратистів наг проукраїнськими жителями
Жданівки (вересень 2014 року)*

Молодежь как-то сейчас проводит время еще в кафе, в барах там? Как это сейчас все работает?

Конечно. Да. Бары там все. Бары, кафешки, вот эти ресторанчики. Какие-то там заведения. Парк там же ж в Донецке есть. Все открыто. Как уже начали вести новую политику все ради молодежи. Вот эти все программы начали молодежные. Скоко я там был, дома смотрел по телевизору: проводятся какие-то мероприятия, проводятся какие-то эстафеты, олимпиады. И все такое прочие.

Только часть войны, основная часть населения живет обычной жизнью?

Да. То есть, часть занята своим делом. Часть на войне.

А стоит гарнизон да какой-то в Ждановке?

Нет, гарнизона нету. Просто, если я не ошибаюсь, по рассказам своих же ж, что Захарченко дал приказ, чтобы убрать все войска в районах в городах и разместить их на окраинах, то есть окраины защитить, а города оставить. В городах есть полиция или милиция, как она сейчас называется.

Полиция. Судя по Интернету, полиция. Полиция «ДНР», полиция. А какие отношения вот «ДНР» и «ЛНР»? Вы думаете это одно целое или между ними какие-то границы?

Честно, я сколько смотрел по новостям. Даже по украинским новостям и по местным этим новостям. Больше слышно про «ДНР», чем про «ЛНР».

«ЛНР» я не знаю, что там с ней. Как она. Может, она как-то и контактирует. Но про «ЛНР» вообще не слышно. Я думаю, что «ЛНР» и «ДНР» что-то отдельное пока, а не одно целое.

А если во время боевых действий не секрет: были русские там, и кураторы, и войска, специалисты? Видели, не видели?

Я вообще не видел там присутствия русских, присутствия грузинов, казахов. И прочих. Я этого не видел вообще. Я видел только своих, то есть, наших местных. А именно кого-то там, русских и нерусских, я не видел.

То есть, только своих всегда?

Только своих. А вот что там такое – нет.

Какие ощущение, когда вы проезжаете блокпост. Разница. Тяжело понять?

Разница? Видно по боевому оснащению ребят. Разницу видно между Украиной и этими ополченцами.

В чем?

В наличии тех же оружия.

У кого как оно, что?

Ну в Украины это как сказать больше кастомизированное³¹. То есть, наличие прицелов, наличие этих рукояток. Наличие лазеров. Какого оборудования. ПНВ³². Наличие аптек таких портативных. Больше количество гранат, тех же боекомплектов, магазинов.

«ДНР». Если про Украину сказать, что это, в основном, «Печенеги» и «Калашниковы». То у «ДНР» поначалу это было винтовки. Обычные. Ружья эти охотничьи. У кого там, не знаю, у кого был один Калашников. Отличается вооружение и по форме и по снаряжению тоже. Сейчас не знаю. Может, уже лучше стало у «ДНР». Я не смотрел. Честно, когда я проезжаю блокпосты, думаю, лишь бы меня не трогали. Потому что парень едет 19-летний сейчас, не дай Бог, что у них в голове клинит. Потому что у меня уже есть, я его так называю, мой любимый блокпост возле Макеевки. Потому что меня там вечно высаживают и начинают осмотр. Я там у них вечный гость.

Это чей блокпост?

ДНРовский.

А люди одни и те же осматривают?

Одни и те же. Я уже с ними как здрасте. Ну что, опять давай пошли.

А досмотр как проходит?

Досмотр – открытие сумки. Просто показываешь. Ничего там такого не везешь. И все.

А личный обыск?

Личный обыск. Нет.

А видели проводят с кем-то личный обыск? На украинских [блокпостах], на ДНРовских?

Нет, личных обысков не видел. Просто сумки показал, посмотрел – ничего нету такого, ничего не увидел, – езжай.

Какие расстояния между крайними блокпостами? И какие ощущения на нейтральной полосе?

А нет никаких ощущений. Просто едешь и лишь бы доехать домой. Домой. Домой. Домой.

А это Вас машиной всегда возят или Вы автобусом?

Автобус. Конечно, ощущения такие.

А домой – это Ждановка?

Ждановка. Да, домой. А когда еду в Запорожье – лишь бы быстрее в Запорожье, быстрее в Запорожье.

Только так да, ощущения?

Не просто человек, который первый раз едет, он будет бояться, да. А человек, который уже несколько раз там был, уже знает все их приколы и уже как-то себя лучше чувствует. То есть, ну да был такой случай, что на украинском блокпосте... Это где-то может уже 3-й от Запорожья. То есть, первый это на выезде. Второй блокпост, ой где ж оно... Если не ошибаюсь, возле Вольнянска где-то.

Матвеевка.

Или Матвеевка, где-то там ДПС стоит такое. Ну ладно, в общем. Второй и третий есть такой блокпост. И там все время проверяют мобильные телефоны.

Это как?

Берут телефон, разблокируй им. И смотрят контакты. То есть, нету у тебя там «Саша ДНР», «Маша ЛНР». Такого вот нету там. Смотрят твои переписки. То есть, нету таких контактов.

То есть, у Вас так проверяли?

У меня раза два проверили. А потом мы как-то начали в объезд ехать этого блокпоста на другой и там такого нету. Ну были такие [обычные] осмотры. Есть такие осмотры, конечно.

При этих проездах кого-то снимали, может, кого-то арестовали?

Были, что снимали. Это на Кураховском блокпосте. Тогда он был еще открыт. И у девушки не было пропуска. Сейчас, чтобы попасть на территорию «ДНР», нужно иметь пропуск. Есть сектор В, сектор С, сектор А.

А у Вас есть?

Да у меня есть, конечно.

И какой сектор?

Сектор В. Это как раз таки Кураховский прямой. И как раз таки имею сектор А, если не ошибаюсь. Не. Сектор С. Это Артемовское направление. Туда на Харьков. И девушку сняли, потому что не было пропуска. Девушка в слезах и прочее. То есть, «Возьмите, возьмите». «У Вас нет пропуска. Девушка, до свидания». Были такие, что они знали, что не пускают с пропиской других регионов. Запорожская, днепропетровская, там харьковская – не пускают.

Это не пускают ДНРовцы уже?

Нет, не ДНРовцы. Украинцы не пропускают. Если у тебя есть наличие пропуска, тогда пустят. А если без пропуска покажешь, что у тебя там харьковская прописка – «Нет, дорогой, возвращайся обратно».

А могут и без пропуска донецких пропустить с пропиской или нет? Или только пропуск однозначно?

Не ну. Когда ты пересекаешь границу. Вот это блокпост. То есть, показал там пропуск и все. А там на других просто показываешь наличие паспорта. Если они там увидели прописку, запорожская. Откуда? Студент. Все, езжай. И увидели наличие студенческого. Все, езжай.

А на ДНРовских нет этих же пропусков? То есть абсолютно им все

равно?

Нет. Не. Все там.

А вот этот украинский пропуск никак не влияет негативно, когда ДНРовцы смотрят, что у Вас есть?

А они просто уже привыкли. Потому что там куча народу едет уже с пропусками. Я его просто убираю. Если вижу ДНРовский блокпост. Показываю паспорт. Они глянули и все. Поехали.

А вот отношение к Вам ваших друзей настоящих, бывших, которые живут сейчас на территории «ДНР», так вот как к вам отношение поменялось не поменялось? То, что Вы не там, а здесь?

Отношения, конечно, не поменялись. Потому что с этими людьми уже долгое время общаемся. И уже сдружились, так сказать. Как одна семья. То есть, отношение не поменялось. «Че ты так ушел, че ты так. Давай переводись». «Та нет, ребят, я тут останусь». «Ну ладно, все». Нету такого, что ты, откуда. «Ты в Запорожье учишься? О, все, мы с ним больше не общаемся». Нету такого. То есть, как общались, так и общаемся.

То есть никаких негативного отношения абсолютно не встречается?

Нет. Вообще.

Про волонтеров Вы ничего не слышали. А там занимается тоже там есть какие-то фонды?

Да. Есть фонд Ахметова этого Рената. То есть, получает народ, есть там вот эти... Гуманитарная помощь. Гуманитарки. Есть такие. То есть, тоже есть такие волонтерские движения. «Поможем Донбассу». Там такие лозунги.

А пенсионерам?

Пенсионерам... Да помогают с тем ж вот этими гуманитарными помощами. Им, помимо еды, выдают сверху деньги.

Деньги русские выдают?

Русские.

То есть, это гуманитарные русский конвой проезжает?

И когда гуманитарный русский конвой, именно от российских гуманитарных конвоев получается деньги. А от Ахметова только еду. И все. Нет там.

А эту пенсию им платят?

Пенсию. Да. Есть вот те, которые переоформили пенсию. Те, кто не хотят, получают русскую.

А русскую как оплачивают? Тоже через пенсионный фонд?

Да. Там же ж от эти. Начали вот эти организации. Власть поменялась. Начали ж свои делать эти. И там тоже пенсионные фонды российские тоже начали. То есть, работает система полностью русская.

А кто получает в гривнах где они снимают, куда-то ездят?

Есть те, кто каждый день ездит в регионы, которые под Украиной и просто снимают. Просят там «Вась, сними мне полторы тысячи гривен». Дают карточку, дают пароль. И какой-то процент – там 100 грн. Дают на бензин.

Какие отношения между людьми там поменялись, стали более доверительными?

Честно думали, что вот эти все всех сплотит. Нет.

Нет?

Неа. Наоборот. То есть, каждый сам за себя. И каждый хочет урвать себе больше. Даже сейчас вот там зарплаты сейчас у маминой коллеги 7 тысяч рублей. А цены повышают так, что этих 7 тысяч не хватает. То есть, минимальная в России 15-20 тысяч, у нас 7. То есть, как прожить? И не каждый идет на уступки. Я там езжу на Украину, покупаю продукты. Нет, ты что? Вообще не идут на уступки. Ничего не поменялось. Может, как-то раньше были добрее, но сейчас нет.

Продукты откуда идут?

Россия. Большая часть – это Ростов. От Ростова.

А работает вот этот рынок техники какой-то: телефоны мобильные, компьютеры?

Конечно. Все работает. Только ценники поменяли. Гривны на рубли. Бывают там такие ценники: первая цена – это русская, а ниже цена – это гривны. То есть, ты можешь расплатиться как и гривнами, так и рублями.

Больше рублями?

Да. Больше рублями. Потому что вот моя мать, она не тратит гривну, потому что я тут студент. Надо мне гривна. Надо помогать. И она, в

основном, рублями расплачивается.

Нормально провоз валюты через блокпосты? Как Вы, наличкой же везете получается? Никаких поборов вот там?

Слышал тоже такое на Волновахе сильный осмотр, сильно шманают. Все забирают. Мы когда были, нас просто посмотрели сумку, посмотрели продукты. Все, стойте, ждите на проезд. А другой [раз] машина, женщина у нас. По ходу, либо нам так повезло, либо паренек попался. А другую машину паренек так осматривал. «Сколько везете денег?» «2400». «Покажите». Она стоит, показывает.

Это чей был блокпост?

Волновахский – это украинский.

А там провоз из «ДНР», а везут от доллары или такого вот не видели?

Нет. Валюты такой не везет никто. Если везти на территорию Украины русские, то это очень подозрительно будет. Сразу машину в сторону давай. Откуда? Почему? Сепаратист? Не сепаратист? Зачем это надо, проблемы? Лучше поехал, поменял.

А где менять можно?

Можно менять. У нас же есть обменники. Или поехал в другой город. То есть, насколько я знаю, в Запорожье рубль еще ходит в банке. Может, тоже кому-то поедь, поменяй в банке.

А банки у Вас там работают, отделения какие-то?

Да. Там, по моему, наш местный. Там «Приват» стоял раньше. Работают банки. То есть, республиканские или как их называют. Работают.

Система финансовая работает?

Да, работает. Восстанавливается.

А вот все равно это же не может быть вечно рубли и гривна. Какие настроения будут дальше или так и будет бивалютная система? Какое восприятие? Вот какое будущее? Вот как Приднестровье будет? Как что?

Будущее.

У большинства людей.

Сказали, мы теперь республика и все. А как республика без экономики?

Без инфраструктуры. Без ничего. Я думаю, как вот можно? Недолго продержится эта республика. Либо придет к власти уже Украина. Либо что-то развалится и будет что-то. Я думаю, что долго это не протянется. Республика. И прочие.

А люди местные верят, что это будет надолго? Вот Приднестровье маленькое вообще. Что там, 500 тысяч населения. С 1991 года существует как серая зона, где ходит и рубли, и гривна.

Думаю, что если ситуация стабилизируется. И будут подписаны какие-то договора. Или там в Конституции будет что-то там изменено в плане Донецка и Луганска. То есть, возможно будет ходить и рубль, и гривна. Честно, думаю, что этого не будет. Либо уже оставайтесь сами по себе, либо уже давайте к нам. То есть, к нам в Украину. Да.

А вот Ваше восприятие. Все равно домой-то хочется. Вот потом вернетесь, даже если там будет Россия?

Честно, я пока над этим даже не задумывался. Мне пока нужно жить сегодняшним и завтрашним днем. Я даже не знаю, что будет завтра. А как ситуация поменяется в той же Украине... А как же поменяется на территории «ДНР»... В той же России как может поменяться...

То есть далеко...

Да. Далеко смотреть мне еще пока не надо. Я когда-то так задумывался, может, когда-то вернусь к себе в Ждановку и там в школе буду преподавать. Историю. Только вот какую я там буду преподавать?

А спрашивали, какие у них там учебники, интересовались?

Интересовался. Украинский язык как был у них там так и остался. Вместо истории Украины ввели историю Отечества. И оставили всемирную историю.

А история Отечества, что там читают? Россия, что-то?

Ну получается...

Или просто Донбасс...

Наверное, история России больше, тот же Советский Союз. Такое вот. Я, честно, не интересовался. Просто мне сказали вот так, вот так.

А если не учителем, то кем?

То кем? Тяжелый вариант. На шахте.

Работает она?

Шахта работает, да.

А куда идет уголь?

На Украину. Какими-то путями проезжает и идет на Украину.

Составы? Или машинами везут?

Машинами, какими-то путями проезжают.

На Ростов нет?

Не. Не слышал такого. Знаю, что на Украину везут уголь. А вот что бы на Россию... Та зачем им наш уголь, если у них своего полным-полно?

Понятно. Начебто все. А родители Ваши собираются оставаться или тоже?

Да. Собираются оставаться.

При любых вариантах?

Да. При любых вариантах. Они оставались и будут оставаться. Ну сами поймите, как человек, когда копит деньги, покупает себе квартиру, там все обустроивает, живет там нормально. И резко приходит смена власти и им надо уходить. На эту квартиру было потрачено, например, 100 тысяч гривен. Да и куда? Куда? Например, в ту же Россию – без денег, без квартиры, без ничего?

А есть те, которые, как их назвать, возвращенцы. Которые повозвращались?

Да. Есть.

Уехали. А теперь возвращаются. С Украины, с России.

Да. В основном, с России. Потому что у многих родственники там. Так же само. Возвращаются, живут своей привычной жизнью. Опять же восстанавливаются на тех же местах работы и работают.

А с Украины?

С Украины тоже есть такие, которые возвращаются. А есть те, которые просто там остаются. Есть те, которые, так сказать, акклиматизировались и начали уже жить. Работа есть уже. Доход.

А привыкание есть к войне, к боевым действиям? К ситуации конфликта?

Конечно есть, потому что когда первый раз начали стрелять... Да-да-да. Где-то стреляют – надо ложится сразу. Когда ты слышишь: одна полетела, ага, еще одна бомбанёт. Уже как-то есть такое привыкание. То есть, уже у многих привыкание. Слышат свист – пошли в подвал. С подвала слышат – уже ниче нет, ага, пошли на верх. А есть уже бывали те, кто уже слышат свист – остаются дома. Им уже все равно, что да как. Есть уже привыкание к этим боевым действиям. Уже как-то привыкаешь.

А ожесточение какое-то есть, вот сердце к этому всему? К насилию восприятие этого как нормы?

Честно, нет. Это не норма.

Такого нет?

То есть, вот такого как там: каждый день того убили. Такого нет. Убивают людей. Это не норма в наше время. 21-й век. Надо чем-то другим заниматься. Не войной. То же космическое исследование. Улучшать жизни людей. Надо эти заниматься, а не войной. Война отходит уже на второй план. В наше время война должна уйти на второй план.

А если призовут там или там, что будешь делать?

Уеду. Я не хочу ни там, ни там служить. Потому что честно.

Як Ви вважаєте, заселення Донбасу шло відкіля: з Росії, з України?

Мне кажется, что происходило заселение как и с территории России, так и с территории Украины. То есть, объединялись. Что-то формировалось.

А по населению...

По населению?

Ты говорил, что более старшее поколение разговаривает на украинском, на суржике?

Да. То есть, можно сказать, что в основном с Украины шли.

А получается вот этнических русских, как твоя мама, много [или] мало?

Не очень, так сказать, много. Но есть. Ну вот мой отец украинец. Мать русская.

А от вы по восприятию ваших одноклассников, еще до войны как вы себя воспринимали, сколько вас в классе было?

У нас был самый большой класс. 32 человека в школе. Это считался

самый большой класс.

То есть, все вот разговаривали, как ты, на вот таком нормальном русском?

Нормальном русском. И нормально потом переключались на украинский. Какие там конкурсы были. Я сам там участвовал. Ездили на украинском языке, Шевченка читали, Котляревського читали. Все. Все нормально. Мы считали себя украинцами. Это было для нас нормой. Спокойно: гимн Украины, День прапора, День Незалежності. Все нормально. Все после событий поменялось мнение. Мое мнение при мне осталось.

А раньше ты встречал такие понятия, как «Новороссия», «Малороссия»?

Нет. Вообще ни разу не встречал. После всех событий уже начал встречать. А раньше нет. Может, когда в учебниках были. Мельком и все.

То есть, в быту вы – просто как Донбасс?

Нет. Вообще. Вообще не было. Посылок.

А в историческом плане как ты воспринимаешь, чья это территория?

Именно территория Донбасса? Юг Украины. Если вспомнить Российскую империю, то большая часть относилась к России туда. Тот же Советский Союз. Но все равно мы были одна страна. Украина. После формирования в 1991 году мы стали Украиной. Я больше считаю, что 50/50. То есть, как и Украина, так и Россия.

А вот интересно, у тебя ж кровь как раз 50/50 – ощущение украинцы и россияне. Тут гендерный еще принцип. Мужчина и женщина. Родственники с одной и с другой стороны, есть разница какая-то между украинцами и между россиянами ментальная? Вот именно какая-то такая. По поведению. Отец там более. Говорят, украинцы более ленивые. А русские – это больше пьющее. Вот такие вот стереотипы.

То есть, Вы намекаете, что моя мать пьет сейчас? [сміється]

Да. Нам весело. У нас чоловіча розмова. Нам тут про алкоголізм цікаво.

Отец мой, ну, неленивый. Отец всегда искал работу. Всегда работает. Так же у нас в Зугресе дом свой. Отец его всегда облагораживает. Потому что остался от его бабушки, получается, моей прабабушки. И дом сейчас не в самом хорошем состоянии. И отец его на данный момент приводит в хороший вид, чтоб так можно было летом приехать, сесть и отдохнуть, чай

попить, покурить. Я б не сказал, что...

А вот есть на бытовом уровне, вернее было, понятно сейчас все по другому. Хохлы там, кацапы – такое было нет?

Было, но в плане юмора. То есть, а такого чтоб всерьез, в лоб – нет. Юмора. Такого. То есть, я могу сказать, что украинцы, россияне, честно, они не отличаются. Может, есть там у каких-то у определённых групп свои отличия. На примере, на том же другом старом поколении у них нет отличий. А вот у молодежи есть отличия кардинальные.

Какие?

В той же ментальности, в плане отношения к другим. К другой нации. То есть, к русским отношение по другому, к украинцам другое. Я ж не могу отрицать того, что в той же России нету тех, кто против Украины. Или за Украину.

Это только сейчас появилось после войны или было это еще?

Мне кажется, что это началось именно после войны. После вот этих всех событий. Говорю, до всех событий жили дружно, все в порядке. То есть, мы даже с мамой сели поговорили. Говорит: мам, ну от представляешь раньше вот гимн Украины все вместе, да там, а сейчас вот все это кому, чему? Куда мы катимся?

А кто более болезненно в семье мать, отец воспринимает?

Все.

Все?

Вся семья болезненно к этому относится. К тому же тем более я вот сейчас на территории Украины нахожусь. Для них это тоже еще такой. То есть, мама говорит, давай переведемся, мне будет спокойней, что ты там. Что ты тут с нами рядом. Да. Мы можем к тебе приехать. А тут мы не можем к тебе приехать. Ты один. Я ее успокаиваю. Мам, успокойся. Я один. Уже второй год тут уже. Я уже как бы сам уже живу. Все нормально. У меня есть знакомые, у меня есть друзья. Тем более и знакомые со Ждановки есть. То есть, выживу, все нормально.

А вот поехал бы сейчас или когда то на территорию Западной Украины на экскурсию? Или невосприятие, сейчас нет?

Почему бы и нет. Во Львов поехать. Красивый город. В ту же сходить в кофейню. Почему бы и нет. Поехать бы во Львов. Съездить туда. То есть, я

не воспринимаю вот так вот знаете все в штыки. Поехать во Львов – пожалуйста. Собирайте людей, поехали.

А что ты знаешь об основании населённого пункту своего?

Ждановки. Я помню, Вы нам задавали писать. Да. [Сміється].

Сразу в Википедию залез и начал читать. Как он начал основываться небольшой такой город. Его сперва название было Жданов. Был основан как шахтерское поселение. То есть, шахта и начали вот эти шахтерские домики. А потом в последствии этого уже начал формироваться город. Началось, если не ошибаюсь, может, в 20-х... В 1920-м или [19]26-м году.

Нове поселення насправді. Там до цього нічого не було. Там хутори і все якісь. А етнічніє якіє групи у вас проживають?

Этнические. Русские, украинцы, есть грузины, есть армяне. Все. В основном, русские, грузины, украинцы. Все.

³⁰ Зараз проспект Соборний міста Запоріжжя.

³¹ Обладнане додатковими засобами для зручності користувача.

³² Пристрої нічного бачення (рос. «приборы ночного видения»).

ОЛЕКСАНДРА (переселенка)

«Хуже всего это не то, что телевизор показывает какие-то пропагандистские нюансы, а то что люди хотят это видеть и принимать, они не хотят думать своей головой. Ведь это же абсолютно понятно, что это все штучно создали...»

Ім'я: **Олександра**³³

Рік народження: 1984

Статус: **переселенка**

Інтерв'ю записане М. Павленком

15 жовтня 2015 р.

РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.3. – Спр.9.

Назовитесь, как Вас зовут?

Александра.

Расскажите, откуда Вы, чем занимаетесь?

Я из города Донецка, там и родилась. Сейчас закончила аспирантуру, планирую защищаться. Вместе со своим университетом (Донецким национальным) переехала в Винницу в ноябре месяце.

Расскажите немного о детстве, о школьных годах...

Я родилась в Донецке. В принципе, все детство, всю сознательную жизнь, я провела в Донецке, поэтому город для меня родной. Ходила я как раз в первый и во второй класс в украиноязычный класс, и в садик ходила тоже украиноязычный. Потом мы просто с семьей переехали в другой район – это было сложнее, я стала ходить в русскоязычную школу. Я еще увлекалась астрономией в детстве. Ходила в кружок при Планетарии, ходила 10 лет в кружок. Были успехи, но потом я все-таки решила, что история для меня интересней. Поступила на исторический факультет.

С чем связан такой выбор? Почему именно на исторический?

Потому что у меня были достаточно большие успехи в астрономии, но в

какой-то момент (это был класс 9-10) я перешла на историю астрономии, так постепенно на историю, и поняла, что заниматься историей мне интересней, а астрономия у меня осталась на любительском уровне.

Космический историк?

Да, где-то так.

Расскажите о студенческих годах.

Я целенаправленно поступала на историю. Поступила, пошла на кафедру истории Украины, не пожалела об этом. Были у меня мысли специализироваться на кафедре всемирной истории, но как раз там не было мест, я пошла на историю Украины. И теперь думаю, что судьба распорядилась, может, и правильно, мне там очень понравилось. Я пишу всегда (и писала на протяжении 5 лет) про культурные процессы, о культуре, о Донбассе преимущественно. Диссертацию буду тоже защищать в этом направлении. Студенческие годы мне подарили очень хороших друзей, потому что сейчас в Виннице, так оказалось, что все мои 4 одногруппника, находимся в университете и в университете работаем. Мы живем рядышком и друг другу помогаем. Оказалось, что студенческая дружба самая крепкая, потому что в какой-то тяжелый момент мы оказались и рядышком, и близко, и друг другу плечо можем подставить.

Вы говорите, занимаетесь культурой Донбасса?

Да.

Расскажите, в чем особенность культурной жизни этого региона?

Особенность, конечно, в том, что Донбасс это, во-первых, многонациональный регион. У нас достаточно, считается самый многонациональный в Украине регион. Болгары, есть немецкие поселения, у нас очень много приезжих азербайджан и грузин, ну и при этом – это не чувствуется, до какого-то определенного момента, скажем так, пока это не начали разжигать. Поэтому, у нас достаточно часто проводились Дни культуры разных народов, было очень интересно, мы приходили, смотрели. Это ощущается на общей культуре. Плюс ко всему, все знают, что регион рабочий – это тоже чувствуется, рабочий класс. Соответственно, если говорить о историческом [пути развития местной] культуры, то в советское время она ориентировалась больше на рабочий класс. Это всевозможные шахтерские ансамбли, танцы-пляски, которые гремели там на весь Советский Союз. Это всевозможные советские клубы при шахтах, при

заводах, которых тоже... Причем, туда рабочие ходили не только потому что их заставляли, а потому что им самим хотелось – создавали такую атмосферу. Но сейчас это, конечно, уже не так ощущается, и в принципе мы живем в век технологий, и престижными уже являются какие-то рабочие профессии, но частично это оставляет какой-то культурный отпечаток на Донбассе, потому что у нас есть развлечения, так скажем, «для рабочего класса». Какой-то парк, где принято... Вот ты гуляешь – принято, что больше рабочего класса гуляет. Я знаю, в Киеве тоже есть такой парк, может название я сейчас не вспомню, но я помню, что мне говорили, что есть парк, в котором в основном гуляют больше рабочие люди.

А как гуляет рабочий класс на Донбассе?

Гуляют с размахом! Всесильно, я бы так сказала. Может, конечно, всех ощущений [я не смогу передать]. Ну, выпивка там, или какие-то драки-разборки – в принципе нет. Все с весельем. Обязательно должна быть музыка! У нас, наверное, показательным является День Шахтера, он совпадает с Днем города. И на День шахтера это (обязательно) большое количество конкурсов, это всегда какие-то местные традиции. То есть как начали они в какой-то определенный момент, в определенный год они ввели эти традиции: я вот сколько помню, сколько мы ходили отмечать – столько лет это длится. Там фестиваль пива, потом, значит, фестиваль для спортсменов – они таскают тяжести, очень много интересных моментов для детей, для них обязательно зона есть. Каждый год у нас проходил фестиваль-парад, когда все школы города что-то показывали. Каждый год обязательно, тоже осенью, у нас проходили «Звезды мирового балета» под предводительством Писарева³⁴. Это было очень популярно, благодаря Писареву, можно сказать, Донецк был таким в Украине – один из центров хореографического искусства.

Поэтому, в принципе, если говорить о том, как гуляет рабочий класс, то это, наверное, традиции. И чтобы это было шумно, чтобы это было весело, чтобы это было огромное количество людей. Это я бы так описала. Есть категория, которая выезжала на природу, меньшая часть людей, но в принципе весь город собирался на День города и День шахтера, который с ним совпадал. Обязательно это были гуляния начиная с самого утра и буквально до ночи. То есть действия проходили по всему городу. Обязательно это были какие-то [тематические] зоны, ты выбираешь что тебе интересно, и так передвигаешься.

То есть культурная жизнь была представлена достаточно обширно в Донецке.

Да. Хотя, конечно, у нас были тоже проблемы. Например, у нас всего два музея, и если говорить о Художественном музее, то нас как историков туда водили, и за Художественный музей нам стыдно, потому что он, в принципе, по запасникам один из лучших в Украине, а весь материал лежит в фондах, потому что просто нет возможности это выставить. Помещение очень маленькое, оно не для музея. Плюс ко всему, помещение находится в жилом доме, сверху там живут люди, люди небедные, потому что это в центре города, они постоянно делают евроремонт, у них постоянно течет с потолков. Они нам показывали, как один раз спасали иконы XVIII века, потому что буквально вода стекала по стенам, потому что какой-то «крутой» сосед решил сделать ремонт и решил не считаться, что находится рядом с музеем: «Извините, я купил здесь квартиру за бешеные деньги, я хочу здесь сделать ремонт! Меня не интересует!»

Поднимался вопрос общественностью, чтобы перенести Художественный музей в более лучшее помещение на Евро, потому что очень много строилось и говорили, что это будет очень удобно. Если мы на Евро-2012 сделаем как раз и помещение для Художественного музея. И это оговаривалось несколько раз, и все нам обещали, что все это будет, в итоге деньги «не нашлись». То есть нашлись деньги на все, что только могло найтись – только не на помещение Художественного музея. Сейчас Художественный музей пока не разграблен, потому что они сами, видимо, не понимают какие там [ценности] в запасниках находится, а во вторых там очень хороший директор, она очень боевая женщина.

Музей так и не был вывезен, эвакуирован?

Нет, музей не был вывезен. Краеведческий музей полностью... Не разграблен, но туда попал снаряд, [а потом] уже половину растащили – это, конечно, ужасно. Там тоже было очень много проукраински настроенных людей. Однотруппник мой, который сейчас работает в Виннице, он там работал. И он говорил, что приходили и угрожали директорше, называли ее «гречанка-бандеровка» – она греческой национальности. Ну, что-то такое... Поэтому, конечно, это тяжело.

У нас было очень интересно, как раз по культуре рабочего класса на территории бывшего завода сделали музей современный – «Изоляция» назывался. То есть там как раз все было задействовано на модерне, но в

таким рабочем стиле. То есть на Первое мая были соответствующие плакаты, было достаточно интересно. И его разграбили тоже, «Изоляцию».

Вы говорили, и это действительно так, Донбасс – очень многонациональный регион. Как до войны уживался весь этот конгломерат, не было ли конфликтов на этнической, национальной почве?

Нет, таких конфликтов мы не замечали. Даже в школе, у нас в школе, училось много детей разных национальностей – были шутки, в таком формате, но не более того. И во дворе у нас азербайджанская семья (они переехали): он чинит трубы, она работала медсестрой, мы тоже нормально общались, и сейчас мы в общем-то нормально общаемся. У нас во дворе даже несколько таких семей – армяне, азербайджанцы, еще кто то...

То есть никаких предпосылок [военного конфликта] не было?

Да, все было нормально. Но сейчас они [идеологи «русского мира»] не сильно давят на национальный вопрос, потому что люди не сильно [воспринимают их утверждения]. Понимаете, на Донбассе они давят, что мы все русские, русской национальности, пытались разжигать что-то национальное, но оно как-то не сильно получается, потому что люди не понимают в чем проблема. Поэтому, они стали давить на русскую идентичность: «Мы все русские, славяне». Хотя армяне, к примеру, не понимают – какие тут русские, потому на все это смотрят очень скептически.

У них больше заострено на языковом вопросе. Было ли угнетение русского или других языков?

Нет! Я как человек, который ходил первую часть первого класса в украинскую школу (пока мы не переехали), хочу сказать, что там наоборот школа была русскоязычная, класс только один был украиноязычный. В садике тоже была только одна украиноязычная группа. Потому скорее наоборот. Были украинские школы, но было значительно меньше по сравнению с русскоязычными школами. Прийти на рынок и найти книгу на украинском языке – это была не проблема, но так... Я помню, ходила искала Лины Костенко «Записки українського самашедшого», а мне говорили: «Это что, школьная программа?» Я нашла, но не сразу, мне пришлось походить некоторое время. А если заглянуть в маленькие киоске, вот как здесь [в Киеве] продаются книги, журналы – то найти журналы на украинском языке было трудновато.

То есть можно сказать наоборот, что притеснялся украинский язык?
Ну, не притеснялся, но он не был популярным среди населения.

Не получал нужной поддержки...

Не получал той поддержки, да. Никто не притеснял, никто не запрещал, но скажем так, поскольку население не пользовалось им в «повседневной» жизни, то не считали нужным вводить украинский продукт соответственно.

С чем, по Вашему мнению, связана такая низкая популярность всего украинского на Донбассе?

Я думаю, исторически так сложилось, мы ближе к России. Плюс ко всему, когда Донбасс был «кочегаркой Советского Союза», туда тоже стекались разные национальности. Мой дедушка, тоже белорус, поехал заработать на Донбасс, то есть он ехал целенаправленно в шахты работать, потому что знал, что на шахте заработает, ему нужны были деньги, были и другие национальности – русский язык у них являлся общим. Много россиян есть приезжих. В принципе, вся история тоже влияет, конечно...

Если вот взять исторически, то чей он, Донбасс – украинский, русский?..

Это, конечно, очень сложный вопрос, потому что если рассматривать вот так вот искренне, то Донбасс никогда украинским и не был, по большому счету. Он всегда был как-то в стороне. Он не был и русским до конца, это неправда, если говорить, что он был русским, но и украинским он не был никогда. Вот в чем вопрос... Для меня он, конечно, украинский, то есть я хочу вернуться только в украинский Донбасс, и я уезжала с украинского Донбасса. Но таким ли он есть для каждого человека – я не знаю. Я там не была уже год и мне сложно... Уезжая, я видела, что для многих людей он таковым не является, а сейчас не хочу говорить о том... Я не была там уже год, сколько там поменялось, те же мои соседи, не знаю, может, они поменяли свою точку зрения, такое тоже бывает. У нас были знакомые, которые поменяли [взгляды]: «Мы заблуждались, нам очень жаль, что в какой-то момент мы поддержали [идею создания «Новороссии»]. Мы теперь поняли». А кто-то наоборот – только активней... Мне сложно сказать. Но Донбасс точно украинским не был, к сожалению.

Вы сейчас поддерживаете связь со своими друзьями, близкими? У Вас остался кто-то в Донецке?

У меня родители остались там, в первую очередь. Поэтому мы каждый

день общаемся, созваниваемся по «Skype». Вот в прошлый год я приезжала туда на Новый год, и в этом году поеду. Я бы, может, съездила и раньше, но по работе не получилось. Все лето работала в приемной комиссии, поэтому, соответственно... Но на Новый год я поеду. Сестра моя родная (младшая сестра) в Харькове, она более свободный человек, у нее больше возможности ездить. Мы туда стараемся [приезжать как можно чаще] и рвемся, потому что там родители, в первую очередь...

О чем говорят родители, что их больше всего волнует?

Поскольку они там остались не по идеологическим причинам, то их в первую очередь волнует вопрос выживания, потому что там все дороже. Там практически уже нет гривны – рубли. Там тяжело, потому что люди уже озлобленные, злые. Допустим, мои родители не будут заводить разговор о политике на улице с незнакомым человеком. Люди сами по себе уже озлобленные, и это тяжело, эта атмосфера тягостная – она чувствуется. Плюс ко всему, ничего хорошего нет, когда по улице то танк проедет, то люди ходят с автоматами, и не знаешь, что от него ожидать, что у него в голове. Взрывы сейчас прекратились практически, стрельба. Но до этого тоже там в квартиру попало, то еще что-то – то есть ты постоянно в каком-то напряжении находишься, ты не знаешь от тебя летит или к тебе летит, как минимум. Поэтому вопрос выживания самый главный...

А как там с инфраструктурой? Магазины, больницы, школы работают?

Да, работают, но там, я ж говорю, все дороже, это первый момент. Ассортимент сначала становился все меньше, все тяжелее было найти мясо, молоко. Все это низкого качества, а если говорить о той гуманитарке, которая приходит, то очень часто она не доходит до места назначения, а распродается теми людьми, которые везут, и они еще на этом зарабатывают. Поэтому, в принципе, не можно сказать что там умирают с голоду – нет. Многие люди работают, многие остались, потому что не смогли тут найти работу. Могли уехать, многие знакомые уехали, поколесили по Украине – работу не нашли, вернулись туда. Если там есть работа и есть жилье (а это дешевле, чем все-таки снимать где-то), то там с голоду, конечно, не умрешь. Все товары низкого качества, сложно найти, то есть не в каждом магазине можно увидеть какие-то элементарные продукты, нужные на каждый день. Точно так же со средствами гигиены и так далее, с этим тоже есть сложности, и в основном это все российского [производства]. Иногда попадает белорусское, украинского практически нет.

Вы говорите, магазины, это супермаркеты или какие-то мелкие «лавки»?

Супермаркеты работают, мелкие «лавочки» тоже есть, но там сложно рассчитаться карточками, в основном только «наличка».

То есть банковской системы нет?

Да, фактически нет. Там одно время был супермаркет, сеть супермаркетов на весь город, который [осуществлял расчет] по карточке – там весь город в очереди был. Я так поняла, что там тоже сейчас убрали, то есть в основном это только «наличка». Приезжают, конечно, бабушки-дедушки с самой Украины, им тоже надо продавать продукты. Естественно, человек если прорвался через все эти кордоны ставит цену выше, чем бы он продавал это возле дома, это понятно, поэтому... Но сейчас, я думаю, их все меньше и меньше, потому что гривна практически не ходят, ходит рубль, а им нужна гривна.

Давайте чуть вернемся назад, к событиям двухлетней давности, к периоду Майдана. Вы принимали какое-то участие?

Нет, я не принимала участие в Майдане. Я знаю в Донецке проходил Майдан, ребята выходили, но ни в киевском, ни в донецком я не принимала участие, поэтому об этом я не могу сказать.

Как Вы ко всему этому относились, поддерживали, не поддерживали?

Я была за Украину, просто я тогда не видела необходимости выходить на Майдан. Может быть и зря, конечно. Я знала, я следила, но не ходила, не принимала активного участия.

А Ваши знакомые?

Да, участвовали, преподавательница одна, одноклассники были, они участвовали, рассказывали как это все было.

Вы говорили, постоянно следили за новостями, а из каких источников Вы черпали информацию?

Я черпала из разных источников: смотрела и телевизор, и Интернет, причем каналы у нас шли и украинские, и российские. Смотрела и те, и те для того, чтобы сравнить. Если был человек, который был свидетелем, я еще спрашивала и его. Читала в Интернете тоже и украинские, и российские старалась. Как историк, я понимала, что нужно собрать максимальную информацию. Что бы иметь более-менее объективное

представление.

По Вашему мнению, каковы были причины Майдана?

Такой вопрос конечно, может даже провокационный, но я, честно говоря (если говорить о Майдане в Киеве) относилась к нему скорее негативно, чем позитивно. Может быть, повлияло то, как его демонстрировали. Мне все-таки казалось, что ничем хорошим это не закончится. И дело даже не в том, что там погибли ребята, а в том, что результаты Майдана мы не видим на сегодня. За что они умерли, за что они боролись... Этого нет. Я понимаю, они стояли за лучшие идеалы, за лучшую жизнь... Не знаю, я не верю в какие-то чудеса, мне казалось, что ничего из этого не выйдет.

На донецкий майдан один раз даже очень хотела пойти, но не получилось. Просто я понимала, что там есть украинцы, это единственная цель, которая была – показать, что мы тут есть. Понимаете, я вроде бы и душой и сердцем с ними, но я не верила, что из этого что-то получится. Поэтому я очень скептически ко всему этому относилась. Хотя, может, даже с неким восхищением... Одногруппники тут были, просто знакомые с университета были. Я ни в коем случае не переставала с ними общаться – наоборот, мне было интересно, я спрашивала, поддерживала, но все-таки слишком скептически относилась чтобы поехать туда самой.

Как Вы для себя определяете: это АТО или война, и в чем заключаются причины?

Сейчас, когда боевые действия уже прекратились, уже с трезвой головой больше соглашусь с определением «АТО». Но тогда, когда стреляли, меня очень злило, что наш президент выступает и говорит, что у нас АТО. Тогда мне казалось, что у нас уже полноценная война, мне казалось, что пора было признавать на тот момент. Тем более, если идет мобилизация – значит идет война. Мобилизация в АТО очень противоречит [словам чиновников].

О причинах войны... Конечно, это был сценарий, который разыграли на Донбассе, он был продуман и готовился явно не один год. Это понятно, потому что явно нащупали какие-то слабые места, на которые можно надавить и собрать людей. Я уверена, и всегда спорю со своими друзьями и знакомыми, что если бы захотели подобный сценарий разыграть в каком-то другом месте – его бы разыграли. Я понимаю, все рвут на себе рубашку: «Да мы бы! Да мы бы не пустили!» Значит нашли бы какие-то другие пути, другие ресурсы и формы, и разыграли бы сценарий в [другом] регионе, в котором захотелось. Потому что, явно готовилось, готовилось давно. Я все

это понимаю, многие люди где-то сгруппировались, повелись, но это был готовый сценарий...

Полностью с Вами согласен по поводу сценария, а кто, по Вашему мнению, является главным сценаристом?

Совершенно понятно, что Россия является главным сценаристом. Тем более близкая расположенность, близость менталитета, близкие проблемы. Когда он выступал, я помню когда-то было выступление Путина, он тоже что-то за рабочий класс начал рассказывать...

*Одна з перших фотографій війни.
Проплачені «місцеві мешканці» блокують рух
військовослужбовців ЗСУ (Донецчина, квітень 2014 р.)
Фото ресурсу <http://forum.meta.ua>*

Популизм...

Популизм, да. Я же говорю, что если бы [Россия] хотела такой сценарий разыграть в каком-то другом месте – его бы разыграли. Не будет человек бежать на человека, который стоит с автоматом, или когда едет танк. Все будут думать о том, что надо вывезти свою семью, о собственной безопасности.

Конечно, очень многие ребята с Донбасса уехали в АТО, есть ребята, которые уже погибли. 11 октября праздновали на факультете Покрову, заранее сделали. Есть доска памяти, но там не все: это и наши выпускники, и ребята которые были в АТО. У нас есть дочка профессора, он ее отпустил – она в Песках, в самом аду, она сказала как-то, что надо думать

сначала о стране, а потом о себе. Один парень погиб, он был организатором общественной организации «Поштовх», она была зарегистрирована, все было правильно, она занималась как раз популяризацией украинской культуры... Он создал ее, набирал туда ребят – в основном это были ребята с истфака и филфака. Он как раз тоже прошел весь Майдан, а когда началась мобилизация – он туда поехал и погиб в «котле» под Иловайском... При чем он погиб так, что его собирали по кусочкам, тело очень долго не могли идентифицировать...³⁵

Расскажите более детально как развивались события в Донецке, пока Вы там находились.

Я могу сказать, что я и не видела, потому что пересказывать-рассказывать от других людей – это будет не совсем... Сестра моя работает с иностранными волонтерами, я ей иногда помогала, и мы повели иностранных волонтеров в наш Художественный музей. И, получается, мы идем туда – ждали, потому что некоторые опаздывали, и мы уже видели, как собиралась толпа с российскими флагами (наш Художественный музей находится в центре, как раз возле горисполкома), они уже там собирались, орали «Россия, вперед!», что-то в таком формате. Было людей не очень много, но были они такого вида – грязные, немытые.

Маргинального вида...

Маргинального вида, да. Причем, мы заметили, они были приезжие (мы тоже говорим не на чистом русском языке, а там слышали определенные акценты Краснодарского края, то как бы московского). И как-то все это было неприятно. И даже парень грузин, который приехал, заметил: «Они же не из Донецка. Я же слышу, что речь совсем другая – не такая, как у Вас». Даже он это заметил, потому что не так давно был у нас. Мы зашли в Художественный музей, немного походили, а потом нас стали оттуда выгонять, потому что испугались сотрудницы музея, что толпа начнет как-то двигаться, побьют окна, а мы тут – им это еще все закрывать и самим уходить, и будут чуть ли не прятать экспонаты. В общем, мы быстренько-быстренько ушли. Нужно отдать им должное, они позакрывали все, что только можно, все что можно попрятали, перекрестились и вышли вместе с нами, потому что действительно волновались, что они могут покалечить как-то музей. Хотя он находился в таком месте, что они в принципе и не знали, что тут находится Художественный музей.

Это вот такой момент. Потом нас пригласили, у нас есть Центр

славянской культуры, и там как раз был бесплатный концерт ко Дню рождения Шевченко, и как раз было не очень холодно, у меня как раз вышиванка была под пальто, мы зашли в какую-то кафешку попить кофе, и сидела какая-то компашка и очень странно на меня смотрела, тыкала пальцем – было неприятно, женщина уже какая-то с их компании: «Ну ладно-ладно, что ты не видишь, что ли, девушка в вышиванке». Я подумала: «Ничего себе! Я вообще-то в своем родном городе сижу и имею право ходить так, как считаю нужным!» Но было неприятно. Из таких еще моментов...

Я помню, может быть, такими отрывками, когда Майдан собирался в Донецке, тут же стали приходиться (в Киеве их называют «титишками») такого же плана ребята. Они приходили бить, они приходили на донецкий майдан. Я этого не видела, но моя сестра немножко попала – когда она шла, было уже темно и они проходили как раз с украинскими флагами, и им было пора бежать, потому что там были эти. Мы тоже вместе побежали, было страшно...

Толпа была агрессивно настроена?

Агрессивно настроена, да. Но ребята, которые вышли на донецкий майдан, просто были не настроены драться, поэтому все в основном «потикали» и там особо бить было некого... Но все равно, побили. Была ситуация, что побили какого-то парня.

Побили, а одного зарезали...³⁶

Да, было. Помню, что переживали наши преподаватели, потому что была пара-тройка студентов (третий-второй курс, еще «зеленые»), которые собирались туда идти, а преподаватели: «Не надо туда идти, мы боимся за Вас». Такой нюанс был, я помню. Мы еще смеялись, потому что у нас была акция, «Школа молодого ученого», и мы притащили туда флаг украинский. И мы еще смеялись, если ты хочешь быть камикадзе, то тебе только с ним надо пройти и все, будут приключения...

Ходить с украинским флагом по территории Украины стало опасно...

Тогда, когда все это началось, и они [«титишки»] ходили, мы начали побаиваться, было напряжно. Потом, я честно не могу вспомнить момент, когда начали появляться вооруженные люди...

А в «титишки» кто шел?

Не знаю...

Может, у Вас есть знакомые, которые представляют Антимайдан?

Есть знакомые, которые за Россию, но не представляли Антимайдан (это они так говорят). Мы так думаем, что это были люди, которым явно заплатили, вот они и пришли. А заплатила сторона, которая это все организовала, вот и все, по большому счету.

Какова их мотивация, Вы не пытались узнать?

Пытаюсь узнать – разная мотивация. Одна говорит: «Я родилась, я всю жизнь за Россию! Украина ничего хорошего не дала!» – но она сама и правда родилась в России, приехала в Украину. Вот такой формат. Те россияне, которые приехали в Украину, они всегда придерживались четкой позиции: «Мы всегда душой с Россией». Тут хотя бы можно понять – человек родился в той стране и всегда при любой ситуации поддерживает ее. А те, кто родились в Донецке, но они считают, что Донецк это не Украина – очень часто это не наилучшие люди... Хуже всего это не то, что телевизор показывает какие-то пропагандистские нюансы, а то что люди хотят это видеть и принимать, они не хотят думать своей головой. Ведь это же абсолютно понятно, что это все штучно создали (я имею в виду, что во Львове – бандеровцы, в Донецке еще кто-то). Это же явно – стлкнували лбами достаточно долго, монотонно, и люди просто на это все ведутся, вот и все.

Как с этим бороться, по Вашему мнению?

Надо чтобы пришло украинское телевидение, потому что наши бабушки – совсем вата в голове, да и у молодых тоже. Потому что все сидят смотрят просто телевизор, что им показали – тому они и верят. Особенно, этому всему подвержены старики и молодежь, конечно, тоже. Наверное, первое, что должно прийти – это украинское телевидение.

Вы думаете, реально достучаться до этих людей, объяснить им?

Да, я думаю реально. Многие поддерживают Россию, многие за Украину, но главное – это те, которым все равно.

Можно ли представить в процентном соотношении эти группы?

Мне сложно представить. На мой взгляд, больше тех, кому все равно. Но это мое личное субъективное мнение, потому что, во-первых, я там год не была, мне сложно сказать как оно там, а во-вторых, я же общалась в каком-то своем кругу, понимаете? Мне кажется, что тех, кому все равно кто будет – их больше, лишь бы им жилось нормально. Хотя, есть знакомые,

которые когда все началось, уехали в Харьков, нашли там работу, хорошо устроились, все хорошо, им было где жить, было где работать, ребенок ходил в школу. Им там не понравилось – они вернулись туда, где стреляют. Мне сложно объяснить чем они мотивировались, потому что я понимаю людей которые вернулись, просто не нашли себя в Украине, не смогли найти работу, жилье – это одна вещь, они вернулись в свою родную квартиру... Но когда все обустроено, и вернулись – тут для меня необъяснимо. Но мне кажется, тех [равнодушных] больше. Им плевать, им надо чтобы все было хорошо. Им в голову впахнули идею, что русский язык притесняют, хотя они всегда разговаривали только на русском...

Вы когда выехали из Донецка?

19 ноября 2014 года.

Вы уезжали со своей кафедрой, с коллегами?

Нет-нет, они уехали раньше, мне уже потом предложили работу. Просто я тогда зарегистрировалась на сайте Министерства образования, что я аспирант, что я хочу учиться в университете, который [базируется] в Виннице, официально. Документы я никак не могла забрать в том ВУЗе, начиная с 8 сентября я ходила, нет с 9-го, я не могла забрать документы. А потом мне сказали, что есть работа и не хочу ли я переехать. Какая-то часть людей осталась в том ВУЗе, в Донецке, по разным причинам. Кто-то по идеологическим, кто-то потому, что не может выехать по состоянию здоровья, потому что они пенсионеры, либо им страшно. Там есть люди, которые остались, потому что так сложились обстоятельства. Естественно, некоторые места стали предоставлять выпускникам. Так сложилась ситуация, что много выпускников одного года работают вместе. Мы готовы были приехать, была такая возможность. Поэтому я выехала. 21 ноября я была в Виннице.

В это время Донецк уже...

Да, город уже был занят, уже стреляли так хорошо. А на Новый год я приехала – тоже сильно стреляли, причем после новогодних каникул в квартиру попали, вот...

В Вашу?

Да, на балкон...

Все остались целы?

Да, все нормально, кроме стекла.

Стекло это самое мелкое, что могло произойти. Вы замерзли?
Слегка.

Давайте зайдем в кафе, пообедаем.
Можно.

Давайте поставлю на паузу, или по пути сможем продолжить?
Если Вам удобно будет записывать.

Думаю, будет нормально...³⁷ Многие остались...

Да, очень многие остались по обстоятельствам. Мы знаем, что они с нами душой, но к сожалению, так сложилось...

Чем они занимаются?

Кто как. Они уволены согласно приказу Министерства образования.

Вы говорили, сильно стреляли. Ваша квартира находится далеко от окраины, от аэропорта?

Да, далеко находится. Собственно, это одна из причин почему родители не уехали до сих пор, потому что прямой угрозы для жизни нет. Были моменты, когда стреляли сильно, но это все-таки не аэропорт, где от квартиры ничего бы не осталось.

Стреляла украинская сторона, или «ДНРовцы»?

Мы же знаем, как оно было. Часто они любят делать вброс, мол в центре города украинские диверсанты. От этого вброса [смеются] даже бабушки, которые полностью за «ДНР», потому что «диверсантам», чтобы добраться до центра города, нужно проехать через все блокпосты. У всех слезы на глазах от смеха, потому что это очень глупо. К примеру, все знают, что есть дом, сзади пустырь, «ДНРовцы» поставили там установки и говорят: «Это украинцы стреляют!» Да тебя же через окно видно.

Как «ополченцы» относятся к мирному населению?

Нагло относятся, как они еще могут относиться?

В чем это проявляется?

К примеру, когда я там была, мы приходили в супермаркет – честно, мне было страшно не пропустить его вперед, когда у него был сзади автомат. Потому что я не знаю, что у него в башке, как он будет реагировать. Идет

группа: «Пропустите, нам надо раньше», – и все их пропускают, потому что группа вся в обмундировании, несет от них перегаром страшно.

Кто эти люди: местные или приезжие, кто они вообще?

По-разному: есть приезжие, а есть те, которые набрались из местных. Местные тоже пошли такие [маргинального характера]. Опять же, я сужу со своей точки зрения, что я наблюдала. Все-таки они идут из-за какой-то необустроенности. Один там пошел: «Мне обещали, что будут платить 5 тысяч в месяц – я погашу кредит». В итоге, он менял обувь на сигареты – сигареты на еду. Вот и все чем это закончилось. Хорошо, что вообще живой остался. Это люди либо не очень думающие своей головой, либо те, которые были необустроены и нашли «кормушку». Там сейчас кому война, а кому мать родная. «Кормушка» там очень хорошая. Я помню, когда приезжала (еще в то время работал торговый центр один, и там было немеренное количество золота, продавалось) и там наблюдались такого плана товарищи, с оружием, и дама в шубе, которая выбирала золото. Как бы есть те, которые пришли к «кормушке» и нашлись женщины, которые вместе с этими мужчинами... При том, что эти люди еще и выступают: «Нам так жаль, всего не хватает, все голодают».

А кавказский элемент на Донбассе присутствует?

Да, конечно, по лицам видно. Есть. Есть местные, есть русские лица, чеченские, даже буряты какие-то.

Агітаційний плакат терористичного угруповання «ДНР» про набір бойовиків. Фото опитуваної

Как неславянские «гости» относятся к местному населению?

Я с ними мало сталкивалась, видела на улице, но не общалась. В супермаркете и на автовокзале видела – в целом ведут себя достаточно нагло. Больше мне трудно сказать, слава Богу, я с ними не контактировала.

Не наблюдаются факты мародерства?

Есть факт того, что они занимают квартиры.

Квартиры людей, которые выехали, или могут и выселить?

Я слышала такие разговоры, но слышала от людей-людей-людей, по рукам, не знаю насколько это правда. Но то, что они могут занять квартиру, зная, что она пустующая, – мне кажется, что это вполне реально. У нас как бы не было такой ситуации и у близких знакомых. Я только слышала истории, не знаю насколько они правдивые, потому что они переходили от человека к человеку, сколько поменялось. У нас была ситуация: соседи по площадке выехали, а мы следили за квартирой. Они приходят: «Мы хотели узнать, где Ваши соседи?» «На работе!». И все.

Наводили справки.

Да. Просто они периодически ходили – женщины, чтобы не привлекать к себе внимание, такого нормального вида более-менее, они ходили и спрашивали, наводили справки. Поэтому, я думаю, такое возможно.

Может, вспомните еще какие эпизоды повседневной жизни в период оккупации?

Они вспоминаются по ходу разговора. Кстати, вспомнила, я ходила и фотографировала, у меня хотели отнять телефон, когда они занимали административное здание, пришли с дубинками резиновыми...

Это еще в самом начале?

Да. Их не разгоняли, тут тоже вина местной власти, местной милиции, которая не хотела этого делать, когда пришел просто какой-то сброд, еще без оружия. Разогнать их – был вопрос на полчаса времени.

Так само, как и со зданием СБУ – большой вопрос.

Явно местная власть дала им добро. Я помню, у меня на телефоне сохранились те фотографии.

33 Особисті дані опитуваної змінено з міркувань безпеки

34 Писарев Вадим Якович – український артист балету, хореограф, педагог, засновник школи хореографічної майстерності у Донецькому академічному державному театрі опери та балету ім. А.Солов'яненка, засновник і директор міжнародного фестивалю «Зірки світового балету».

35 Йдеться про Юрія Матушака, який у 2006 р., будучи студентом III курсу історичного факультету ДонНУ створив Донецьку обласну молодіжну організацію «Поштовх», метою якої було сприяння українському національному відродженню на Донбасі. Коли бойовики окупували місто і перейшли до відкритих погроз, Юрію довелось виїхати до Чернівців. Невдовзі юнак вирішив, що не має морального права спостерігати у якості переселенця за вакханалією «руського міра» на своїй батьківщині, і вступив до батальйону «Дніпро-1». Загинув під час ворожого артилерійського обстрілу 29 серпня 2014 р., виходячи з Іловайського «котла» «зеленим коридором», гарантованим Російською Федерацією. 14 листопада 2014 р. нагороджений орденом «За мужність» III ступеню (посмертно). – За матеріалами «Книги пам'яті полеглих за Україну». – <http://memorybook.org.ua/16/matushak.htm>.

36 Йдеться про зіткнення, спровоковане проросійськими найманцями, яке відбулось 13 березня 2014 року на площі Леніна м. Донецька під час мітингу за мир та єдність України.

37 Подальша частина інтерв'ю записувалась при інтенсивному вуличному русі буденного центру Києва, позаяк деякі фрази на аудіозаписі погано чути, вони можуть бути транскрибовані не у повному обсязі.